

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

А. С. АФАНАСЬЕВА

(ЧУЖБИНСКАГО)

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

АЛЕКСАНДРА СТЕПАНОВИЧА

АФАНАСЬЕВА

(ЧУЖБИНСКАГО)

Подъ редакціей П. В. Быкова.

Томъ VIII.

Второе, вновь просмотрѣнное и исправленное, изданіе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Книгоиздательство Германъ Гоппе

22 Садовая ул. 22

1893

А. С. АФАНАСЬЕВЪ (ЧУЖБИНСКІЙ). Томъ VIII.

ПОѢЗДКА ВЪ ЮЖНУЮ РОССІЮ

ОЧЕРКИ ДНѢСТРА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Книгоиздательство Германъ Гоппе

22 Садовая улица 22

1893

ОЧЕРКИ ДНѢСТРА.

ГЛАВА I.

Днѣстръ. Населеніе. Руснаки. Языкѣ. Ругательства. Костюмъ. Первое знакомство съ контрабандистами. Избы. Сельскій бытъ. Евреи. Положеніе бессарабскаго крестьянина. Обычаи.

Самое древнее свѣдѣніе о Днѣстрѣ (Тирасѣ) мы находимъ у Геродота, который о немъ говоритъ однако же очень мало. Рассказывая походъ Дарія въ Скиѳію, онъ даже не упоминаетъ, гдѣ переходила Днѣстръ армія персидскаго завоевателя, а говоритъ только о Тирасѣ, какъ о второй по порядку рѣкѣ въ Скиѳіи, и болѣе о немъ не распространяется. Имѣя въ настоящее время подъ рукою только французское изданіе Геродота, Miot, я привожу нѣсколько строчекъ отца исторіи: »il (Tyros) court du nord au midi et sort d'un vaste lac, qui sert de limite entre la Scythie et la Neuride. A son embouchure habitent les Grecs-Tyrites« (Т. 1. L. IV, Melpomène, p. 458). Но за то часто встрѣчается эта рѣка уже подъ именемъ Днѣстра въ русскихъ лѣтописяхъ какъ протекавшая по землямъ кievскаго княжества и по случаю походовъ князей въ южные предѣлы. Какимъ образомъ названіе Тирасъ перешло въ Днѣстръ — добиться невозможно. Въ окончаніи его звучитъ слогъ *стръ*, напоминающій геродотовское названіе Дуная (Истеръ); первый же слогъ намекаетъ на таинственное *Дн*, играющее такую важную роль въ названіи многихъ нашихъ рѣкъ, сохранившихъ и до нашего времени непонятныя имена свои. Геродотъ не упоминаетъ, что слова эти скиѳскія, но какъ же предположить, чтобы народы, обитавшіе послѣ скиѳовъ, оставили рѣкамъ и урочищамъ чужія наименованія. Нельзя при этомъ не привести наивнаго свѣдѣнія о про-

изводствѣ Днѣстра, помѣщеннаго въ статистическомъ описаніи Подольской губерніи ксендза Марчинскаго *). Онъ приводитъ мнѣніе Гвагнина, который утверждаетъ, что Тирасъ происходитъ отъ итальянскаго *tirando*, т. е. отъ слова стрѣлять, потому что течетъ очень быстро. Почтеннымъ людямъ можно бы указать на Геродота, котораго, конечно, они не читали, иначе не написали бы подобной нелѣпости; но какъ же требовать отъ прежнихъ писателей здоровой исторической критики, когда въ 30-хъ годахъ профессоръ съ кафедры производилъ слово обелискъ отъ двухъ русскихъ словъ »обѣ—лыски«.

Далѣе Марчинскій приводитъ свидѣтельство Свѣнцакаго, что Днѣстръ, называемый у грековъ и римлянъ Тирасомъ, выходитъ, по словамъ Длугоша, изъ-подъ горы Бескидъ въ Червонной Руси. Источникъ его вблизи замка Собѣнь, въ мѣстѣ, называемомъ Дубовица по причинѣ огромности дуба, изъ-подъ котораго берутъ начала: Днѣстръ, Санъ и Тисса или Циша — рѣка, текущая въ Венгріи.

Теперь большая часть Днѣстра находится въ Россіи, а незначительное пространство верховьевъ его, протекающее по Австріи, составляетъ едва пятую долю всего его капризнаго теченія. Въ предѣлы наши вливается онъ въ селеніи Анутахъ, откуда идутъ границы, отдѣляющія Бессарабію отъ Галиціи и Буковины, и течетъ въ узкомъ ложѣ, окаймленный дикими, скалистыми и необыкновенно живописными берегами. Но здѣсь принадлежитъ намъ только правый берегъ до самаго Хотина, откуда уже австрійская граница пошла по западной оконечности Подольской губерніи. Уголокъ этотъ, отъ селенія Ануть до Хотина, который можно назвать русской Буковиной, чрезвычайно любопытенъ для наблюдателя какъ относительно своей мѣстности, такъ и племени руснаковъ, о которыхъ, сколько мнѣ помнится, не было еще нигдѣ подробностей. Руснаки, впрочемъ, живутъ и ниже, почти до Могилева (на

*) Вотъ мѣсто изъ упомянутой статистики: Dniester bierze swój początek w Galicyi. Podług Gwagnina Tyron albo Dniester, który własnie włoskim ięzykiem *a tirando* to jest od strzelania nazwany, dla tego że zbyt bystrym i strasliwym lotem wody z sobą pędzi. Strykowski wspomina: że Tyras, zbudowawszy Tyrum, trzymał port morski i założył Traki od swego imienia. Inni twierdzą, że od tego Tyrosa syna Jafetowego, rzeka Tyros, która Dniestrem zowiemy, nazwana. Dalej mniema iż Włosi, którzy przed tem (?) Tauryke nad Dniestrem trzymali, dla wielkiej bystrości przewali tę rzekę Tyros: bo po włosku *tirar* albo *tirare* rozumie się strzelać, a ta rzeka ile gdzie między skalami bystro na progach kamiennych bieży, jako strzała z luku (Statystyczne, Topograficzne i Historyczne opisanie gubernie Podolskiej, przez X. Wawrzynca Marczyńskiego. Wilno 1820. T. I. p. 88—89.)

Днѣстрѣ). На той сторонѣ, напр. въ Подольской губерніи, обитають тѣ же руснаки, но замѣтно уже между ними различіе какъ въ одеждѣ, такъ и языкѣ, хотя типъ ихъ одинъ и тотъ же. По обѣимъ сторонамъ Днѣстра, отъ австрійской границы до Чернаго моря, живутъ: малоруссы (руснаки — отрасль малор.), молдаване, евреи армяне, сербы, цыгане и великорусскіе раскольники, именуемые въ Бессарабіи *липованами*, а въ Херсонской губерніи *пилипонами*. Собственно наша Буковина или, лучше сказать, почти весь Хотинскій уѣздъ составлялъ *Раю*, владѣніе хотинскаго паши, отчего обитатели его называются доселѣ *райянами*. Конечно, здѣсь не осталось уже слѣдовъ турецкаго владычества, но мѣстами сохранились еще отличные сады и фонтаны, устроенные турками, да кое-гдѣ существуютъ нѣсколько стариковъ (въ Клишковцахъ, Рухотинѣ), которые служили еще у турокъ, и они передають свѣдѣнія о тогдашнемъ бытѣ, для насъ потерянномъ по неимѣнію письменныхъ памятниковъ, но тѣмъ не менѣе интересномъ. Изъ рассказовъ этихъ однако же можно вывести заключеніе, что крестьянамъ было тогда хорошо, что они не подвергались никакимъ притѣсненіямъ, исключая одного обстоятельства: ни красивой жены, ни хорошенькой дочери нельзя было удержать въ домѣ — турки ихъ непременно переманивали и обращали въ магометанство. Здѣсь жили собственно помѣщики, платившіе извѣстную сумму пашиѣ, и жили патриархально. Если же появлялись солдаты изъ хотинскаго гарнизона, то не обходилось безъ насилія, которое, однако же, не проходило безнаказанно, потому что помѣщикъ, принимая близко къ сердцу потерю крестьянина, ѣхалъ въ Хотинъ и добивался у паши удовлетворенія. Но въ случаѣ пріѣзда какаго нибудь чиновника изъ Константинополя, и если этотъ чиновникъ пошаливалъ, тогда, нечего дѣлать, на его шалости посматривали сквозь пальцы. Безъ сомнѣнія подобныя чиновники пріѣзжали рѣдко, и жизнь райянъ текла довольно мирно. Одно, что турки преслѣдовали и наказывали жестоко — это воровство, и для вора, пойманнаго на мѣстѣ преступленія, не было другаго исхода, какъ висѣлица, стоявшая постоянно въ хотинской крѣпости. Одинъ старикъ, мой хозяинъ въ деревнѣ Клишковцахъ, рассказывалъ, что родственникъ его какъ-то укралъ на базарѣ простую глиняную трубку; какъ ни ходатайствовали родные, какъ ни просилъ самъ владѣлецъ трубки, — виновный былъ повѣшенъ. »Такъ-таки, хоть бы укравъ цибулину, то одвезуть до Хотиня и завѣсятъ«, заклю-

чилъ старикъ и, махнувъ рукою, выразилъ сожалѣніе, что теперь не вѣшаютъ воровъ и что нынѣ не считается грѣхомъ обокрасть человѣка. Въ Хотинѣ въ то время жили евреи, которые не славились добросовѣстностью и занимались торговлей. Чуть зашелъ кто нибудь въ еврейскую лавку, а ужъ турокъ и подстерегаетъ выхода покупателя. Узнавъ, что и сколько куплено, турокъ идетъ въ турецкую лавку и перевѣшиваетъ товаръ: если отпущено какъ слѣдуетъ, еврея не трогаютъ, но если покупатель обвѣшенъ, еврея берутъ, налагаютъ пеню, или, смотря по обстоятельствамъ, бьютъ по пятамъ, но за второй проступокъ ведутъ на висѣлицу.

Бессарабскіе руснаки одного происхожденія съ галиційскими и жили здѣсь искони; я даже полагаю, что они не переходили ни Днѣстра, ни Прута, а поселились во время славянскаго движенія въ Червонной Руси. Еще живущіе ниже Хотина, можетъ быть, во время религіозныхъ притѣсненій въ Польшѣ перешли въ Бессарабію; но есть свидѣтельства, по моему, непреложныя, что малорусское племя занимало не только сѣверную, но и среднюю Бессарабію. На это наводятъ названія деревень, заселенныхъ молдаванами, не по одному Днѣстру, но и въ глубь страны, въ разныхъ направленіяхъ. Напр.: Коржеуцы, Шишкоуцы, Якимоуцы, Маркоуцы, Косоуцы и проч. — это малорусскія села: Коржевцы, Шишковцы, Якимовцы, Марковцы, Косовцы. Вслѣдствіе чего они населены молдаванами, — добиться трудно, по крайней мѣрѣ мнѣ, безъ пособія источниковъ; но предполагать должно, что руснаки омолодавались. Во время моего пребыванія въ сѣверной Бессарабіи я совершалъ поѣздки и внизъ по Пруту до Новоселицы, а оттуда вдоль дороги, идущей отъ Липканъ къ Могилеву, и находилъ деревни славянскаго происхожденія. Напримѣръ, мѣстечко, называемое официально Сикуряны, такъ отмѣченное и на картахъ, повидимому носитъ молдавское названіе. Но если вы, не основываясь на официальныхъ именахъ, прислушаетесь, какъ называетъ его народъ, то убѣдитесь, что это *Сокиряне* отъ слова сѣкира въ малорусской его формѣ.

Что касается языка, то это особая отрасль малорусскаго нарѣчія, въ которое вошли нѣкоторыя молдавскія и нѣкоторыя турецкія слова (очень мало), но говоръ малорусскій и, какъ надо полагать, весьма древній, не поддавшійся послѣдующимъ перемѣнамъ. Такъ, напримѣръ, возвратная частица ставится впереди глагола, чего уже теперь нѣтъ въ Малороссіи,

а старинныя пѣсни доказываютъ, что эта форма существовала на Украинѣ. Руснакъ говорить: *ся сміяти* (смѣяться), *ся хвалити* (хвалиться), *ся турбовати* (безпокоиться). Частіца эта употребляется точно такъ же и при спряженіи: *я ся насміявѣ* (я насмѣялся), *вінъ ся похваливѣ* (онъ похвалился). Нѣкоторыя слова произносятся съ перестановкою буквъ. Такъ, малорусское *криниця* (источникъ) называется здѣсь *кірниця*, а глаголь *говорить*, кажется, такой обыкновенный, является здѣсь въ исковерканномъ видѣ — *вогорить*. »*Я тобі вогорю піди до кірниці*«. Даже въ пѣсняхъ, которыя всѣ чисто малорусскія, слова произносятся согласно съ народнымъ говоромъ:

Чи я-жь тобі не казала
И не вогорила и т. д.

Слово *нехай* (пусть, пускай) по руснацки *най*. »Най буде такъ, якъ я вогоривѣ«. Одинъ — *единъ*, усякій — *уселякій*, усячина — *уселячина*. Творительный падежь единственнаго числа въ именахъ женскаго рода вмѣсто окончанія *оу* въ иныхъ мѣстахъ имѣеть странную форму *оу*: *рукоу*, *ногу*. Зато повсемѣстно въ Райѣ слышится въ рѣчи слово *мой*, но вы не думайте, что это мѣстоименіе. Я долго не могъ понять его, а главное не догадывался о происхожденіи этого слова. Оно замѣняетъ слово *братъ*, употребительное не только у славянскихъ, но и у другихъ племенъ при разговорѣ двухъ незнакомыхъ лицъ, незнающихъ именъ другъ друга. »*Ходи, мой, сюди!*« »*Дай, мой, тютюну!*« »*Эй, мой! мой!*« кричитъ руснакъ другому, чтобы тотъ оборотился. Сначала я долго думалъ, откуда бы взялся этому слову, но потомъ, когда выслушалъ не одинъ рассказъ стариковъ о житьѣ-бытьѣ при туркахъ, особенно когда они передавали въ лицахъ какія нибудь происшествія, мнѣ пришло на мысль — хотя и не выдаю этого за истину, — что турки употребляли это слово при разговорѣ съ русскими. И теперь нашъ простолюдинъ при встрѣчѣ съ иностранцемъ вмѣсто я, ты говоритъ *мой*, *твой* и т. д. По крайней мѣрѣ я не могу иначе объяснить этого слова, непереводаимаго, но понятнаго въ разговорѣ.

Погоняя воловъ и лошадей, руснакъ утратилъ малорусскія междометія и замѣнилъ ихъ молдавскими. Гей! здѣсь: *тягара!* *собъ* (налѣво) — *гійса!* *цабе* (направо) — *чала!* иногда *чабалà!* Последнее какъ бы усиливающее. Напри-

мѣръ, крикнувъ нѣсколько разъ: *чѣла, чѣла*, руснакъ, если животное не слушается, закричитъ вдругъ: *чабалѣ!* и при этомъ отпустить какое нибудь ругательство. Известное во всей Россіи и не укладывающееся на бумагу, тпру! замѣняется здѣсь легкимъ крикомъ го, го, го!

Относительно брани — я понимаю непристойной — изъ всѣхъ славянскихъ племенъ у руснаковъ самая страшная и разнообразная, что тоже заимствовано отъ молдаванъ, которые ругаются ужаснѣе всѣхъ народовъ въ мірѣ. На что мастера закавказскіе татары, но и тѣ уступятъ молдаванину, особенно если онъ не въ нормальномъ состояніи духа. Такъ и руснакъ, онъ слова не скажетъ, чтобы не пустить энергическаго выраженія, нерѣдко импровизированнаго, но составленнаго чрезвычайно мѣтко. Непристойная брань, по крайней мѣрѣ въ Райѣ, такъ употребительна и до того слились со всѣми дѣйствіями, что не только мужчины, но женщины, дѣвушки, даже дѣти обоего пола ругаются публично, не считая стыдомъ произносить самыя вопіющія выраженія. Первый разъ я былъ пораженъ въ селеніи Перебійковцахъ: мимо моихъ воротъ дѣвочка лѣтъ восьми гнала гусей и остановилась поглазѣть на что-то. Гуси своротили съ дороги и зашли во дворъ. Дѣвочка начала выгонять ихъ и при этомъ отпустила двѣ-три такихъ фразы, которыми позавидовалъ бы лихой фельдфебель, но которыя заставили бы покраснѣть пожилаго крестьянина. Мнѣ еще не удавалось слышать ничего подобнаго, и я подумалъ: гдѣ могла эта дѣвочка научиться подобнымъ мерзостямъ. Но не успѣлъ я войти въ квартиру, какъ хозяйка съ горемъ начала жаловаться, что *китка* (кошка) выпила мои сливки, и при этомъ послала китеѣ чудовищно неблагопристойную фразу. Послѣ того, поживя между руснаками, я узналъ, что неприличная брань у нихъ необходимая принадлежность и замѣняетъ всевозможныя проклятія, безъ которыхъ не обходится крестьянинъ, чѣмъ бы онъ ни занимался. Чтобы покончить съ этимъ, не могу не рассказать одного происшествія: проѣзжала на обывательскихъ какая-то значительная духовная особа. Самъ участковый засѣдатель (становой) сопровождалъ ее и вездѣ на станціяхъ, гдѣ заготовлены были лошади, строго подтверждалъ, чтобы крестьяне не смѣли ругаться непристойными словами. Руснаки крѣпились. Но вотъ случилась крутая гора, да еще грязная послѣ недавняго дождя, и лошади остановились. Какъ ни били ихъ крестьяне, какъ ни помогали сами, — карета ни съ мѣ-

ста и еще откатывается назадъ. Особа выглянула изъ дверцы и поморщилась. Тогда къ ней подошелъ одинъ руснакъ, снялъ шапку и попросилъ позволенія только *ся лаяти* (ругаться). Особа улыбнулась и дала разрѣшеніе. Вмигъ посыпались неизобразимыя варіаціи на извѣстную тему и карета благополучно выѣхала.

Костюмъ у мужчинъ мало отличается отъ малорусскаго. Лѣтомъ крестьянинъ ходитъ въ одномъ бѣльѣ, но только носить весьма широкій кожаный поясъ, усаженный множествомъ пуговицъ, который служитъ ему хранилищемъ разныхъ принадлежностей. Замѣчательно, что у руснаковъ по нашей Буковинѣ никогда не застегивается воротъ рубашки — обстоятельство, считающееся у малорусса преступленіемъ, для чего имѣется даже насмѣшливое названіе *розхріста*. Рубашки у руснаковъ очень длинны, гораздо ниже колѣнъ. Лѣтомъ мужчины носятъ соломенные шляпы своего издѣлія, которыя у молодыхъ парней выплетаются красивыми узорами а joint иногда весьма замысловато. И въ южной полосѣ не рѣдкость соломенная шляпа (бриль), но руснаки плетутъ ее гораздо искуснѣе прочихъ, и вообще у нихъ эта работа не носитъ отпечатка грубости, а какъ будто стремится къ нѣкотораго рода усовершенствованію. Молодежь украшаетъ свои *брили* цвѣтами, а иногда лентами. Обыкновенный и самый любимый костюмъ руснака — куртка съ очень небольшими двухвершковыми полками. Въ ненастье надѣваетъ овъ свиту (*манта*), которая, сохраняя малорусскій покрой, вмѣсто капюшона сзади, имѣетъ просто четырехугольный кусокъ сукна, служащій однако же, подобно *відлогъ*, защитою отъ непогоды. Руснакъ накидываетъ этотъ кусокъ на голову и завязываетъ концы, что, конечно, не такъ удобно, какъ *відлога*, но все же служить отъ дождя хорошею защитою. Зимой употребляются суконное платье, кожухъ, вѣховая шапка и рукавицы, а воротъ рубашки все-таки не застегнутъ.

Женскій нарядъ, несмотря на простоту, въ основаніи напоминая малорусскій, имѣетъ однако же, особенно у дѣвушекъ, очень красивыя подробности. Состоитъ овъ лѣтомъ всего изъ куска шерстяной клѣтчатою матеріи, которою обвертываются ниже талии, вродѣ малорусской плахты. Зато бѣлая рубашка у русначки на плечахъ и до локтей вышита шелками, стеклярусомъ и канителью иногда чрезвычайно красиво. На голову (между Хотиномъ и Анутами) дѣвушки надѣваютъ красивый фесъ, вышитый золотомъ, изъ-

подъ котораго висятъ пышныя косы и стеклярусныя подвѣски. Верхнее платье состоитъ изъ кофты безъ рукавовъ и суконной свиты. Но женскія шубы шьются съ разными украшеніями; по талии и вездѣ на бокахъ вставлены лоскутья разноцвѣтнаго сукна прихотливыми узорами, и отъ воротника висятъ длинныя застежки съ металлическими шариками, а иногда просто мишурные шнурки серебрянаго или золотаго цвѣта. На шеѣ множество монистъ, которыя опускаются иногда низко и волнистыми рядами лежатъ на прекрасно развитой груди. Выходя со двора, русначки обвязываютъ голову платкомъ, подобно молдаванкамъ, отчего вы не встрѣтите женщины съ загорѣлымъ лицомъ и испеченной шей, какъ это сплошь и рядомъ встрѣчается у нашихъ крестьянокъ.

Приднѣстровскіе руснаки праваго берега трудолюбивы, добродушны и робки; послѣднее качество заимствовано отъ молдаванъ; но обитатели кусочка нашей Буковины въ пограничныхъ нашихъ селеніяхъ развиты и съ успѣхомъ занимаются контрабандой. Винить въ этомъ крестьянина, конечно, нельзя въ такой степени, какъ чиновника, но подобная торговля имѣетъ недоброе вліяніе на жителей—пріучаетъ ихъ къ скрытности, развиваетъ хитрость и служитъ проводникомъ многихъ порочныхъ наклонностей. Крестьяне однако же рѣдко торгуютъ сами, а дѣйствуютъ въ пользу евреевъ, которые, какъ науки, притаились по самымъ глухимъ деревнямъ вблизи границы, и у нихъ все, какъ говорится, шито и крыто. Здѣсь, впрочемъ, на описываемой мною мѣстности, контрабанда небольшого размѣра, зато по Пруту доходитъ до значительной цифры. Приднѣстровскіе контрабандисты переносятъ чай, сахаръ, спички, полотно, но главное переправляютъ лошадей и скотъ, смотря, гдѣ на послѣдніе цѣны выше. Если въ Галиціи скотъ и лошади дороже—ихъ переправляютъ изъ Бессарабіи, если же здѣсь цѣны выше, — перегоняютъ изъ Австріи. Понятно само собою, что товаръ этотъ не покупной по большей части, а доставляется промышленниками своего рода.

Никогда не забуду я перваго своего путешествія въ нашу Буковину, въ глубокую осень, по береговой дорогѣ, по которой можно пробраться только въ руснацкой чертопхайкѣ. Рассчитывая на первый разъ лишь бѣгло взглянуть на неизвѣстное побережье, я взялъ съ собою продовольственныхъ запасовъ только дней на десять, но, проведя тамъ противъ ожи-

данія все это время, я увидѣлъ, что припасы мои на исходѣ. Между тѣмъ я былъ уже въ сорока верстахъ отъ Хотина, а мнѣ предстояло путешествовать, по крайней мѣрѣ, недѣлю. Возвращаться же въ Хотинъ мнѣ еще не хотѣлось—и я рѣшился послать когонибудь въ городъ. Стоя у воротъ, я говорилъ объ этомъ со своимъ хозяиномъ, а возлѣ небольшая кучка крестьянъ разсуждала о своихъ нуждахъ. Машинально направился я къ Днѣстру побродить по берегу. За мной шелъ руснакъ, беззаботно покуривая трубку.

— А чого вамъ треба до Хотиня? спросилъ онъ, когда мы поворотили за уголъ.

— Та я давъ бы записку, чого треба.

— На щожъ вамъ посилать до Хотиня?

— А якъ же?

— Я вамъ принесу уселячини.

— Дежъ ты возьмешъ?

— Отъ! ябъ то не знавъ! принесу и тільки.

Тогда только у меня мелькнула мысль, что недалеко, за Днѣстромъ, лежитъ австрійское мѣстечко. Конечно, неблагоприятно воспользоваться контрабандой, но покупка моя, въ которой была необходимость, ограничивалась двумя—тремя рублями, а, главное мнѣ хотѣлось убѣдиться — въ какой степени легко въ виду двухъ разноплеменныхъ кордоновъ сообщеніе съ за границей. Передо мною стоялъ крестьянинъ такъ себѣ, небольшой, сухощавый, но глаза его бѣгали быстро и повидимому пристально всматривались въ мою фізіономію. Я подумалъ, нѣтъ ли у него запасу на дому, и сказалъ:

— Хорошо, принеси мнѣ, что скажу, я заплату.

— Давайте гроші.

Я вынулъ трехрублевый билетъ.

— Э, дайте срібла, або злото, на папері (бумажка) прийдетця багато (много) стратить.

Онъ даже зналъ курсъ!

— Мнѣ нужно, сказалъ я: — око (3 фунта) сахара, око свѣчей.

— Лоіовихъ (сальныхъ) чи тихъ паньскихъ?

— Паньскихъ, да принеси бутылку вина и двѣ коробки запалокъ (спичекъ).

— Чую.

— Когда же ты принесешъ?

— А въ ночі.

— Ну, постарайся же, а я дамъ на водку.

— Та я жъ вогорю, що сіюгодня привесу.

И я вручилъ незнакомому руснаку три рубля монетою.

Вечеръ сдѣлался бурный, но, несмотря на это, къ концу его, когда я уже ложился спать, скрипнула дверь, и посланный мой обмокшій отъ дождя, вошелъ, держа подъ мантой шерстяную торбу — неразлучную дорожную спутницу руснака. Всѣ требуемые припасы оказались лучшаго качества и необыкновенно дешевы.

— Какъ же ты ухитрился? спросилъ я контрабандиста.

— Теперь самая лучшая *доба* (пора).

— А кордонные?

Руснакъ махнулъ рукою.

— Той теперь непобачыть, сказалъ онъ.

Впослѣдствіи я замѣтилъ, что многіе руснаки солдатъ пограничной стражи называютъ мѣстоименіемъ *той* (тотъ).

— А еслибы увидѣлъ? спросилъ я.

— То уже наше діло. А щобъ іому зо баришъ зъ мене сіюгодня? Отъ якъ беремо у австріяка *горівку* (водку), то якъ треба мині око, я купую два, бо якъ *той* спотка (встрѣтитъ), треба ся поділити.

Я разстался съ услужливымъ руснакомъ и, посѣщая потомъ Буковину, разумѣется, не пользовался услугами подобнаго рода, потому что бралъ съ собою порядочные запасы. Мнѣ какъ-то везло пріобрѣтать расположеніе простолюдиновъ, и я узналъ многія продѣлки. Интереснѣе всего, какъ пріобрѣтается въ Австріи водка, которая гораздо дешевле и несравненно лучше бессарабской. Здѣсь границей узенькій Днѣстръ. Бессарабскіе рыбаки ѣздятъ въ челнокахъ до половины рѣчки, а галиційскіе въ такихъ же лодочкахъ шныряютъ у своего берега. Условившись съ заграничнымъ собратомъ о количествѣ водки, руснакъ нашъ выѣзжаетъ передъ сумерками на ловлю. Галиціанинъ привязываетъ небольшой боченокъ къ своей лодкѣ и ловко передаетъ пріятелю бечевку, а нашъ прикрѣпляетъ ее къ гвоздику и приплываетъ къ своему берегу. Штука очень простая, и если досмотрщики не ловятъ водки, такъ вѣроятно потому, что и сами пользуются запрещеннымъ, но отличнымъ и дешевымъ товаромъ. Собственно въ большихъ размѣрахъ контрабанда идетъ въ Бессарабію по сухой границѣ и черезъ Прутъ или по границѣ Подольской губерніи, слѣдуя по двумъ направленіямъ: черезъ Хотинъ, гдѣ большіе ея склады, и черезъ мѣстечко Бри-

чаны, откуда уже развозится внутрь имперіи. Занимаются этимъ дѣломъ преимущественно евреи, но есть и нѣсколько руснаковъ извѣстныхъ контрабандистовъ. Приднѣстровскіе же обитатели вверху отъ Хотина, какъ я сказалъ уже, достаютъ вещи для собственнаго употребленія, занимаются переправой скота и лошадей и помогаютъ евреямъ въ непозволительныхъ аферахъ.

Руснаки трудолюбивы, но богатыхъ очень немного, влѣдствіе особенныхъ условій тамошняго крестьянскаго быта, о чемъ я скажу въ своемъ мѣстѣ. Воздѣлывается здѣсь, какъ и вообще во всей Бессарабіи, преимущественно кукуруза, составляющая, можно сказать, единственную пищу земледѣльца. Жителю отдаленныхъ губерній покажется невѣроятнымъ, но въ Бессарабіи простолудинъ питается одной *мамалигой*. Незатѣйливое это кушанье готовится изъ кукурузной муки и замѣняетъ всевозможныя кушанья. Обыкновенно кипятятъ воду въ котелкѣ и по мѣрѣ кипѣнія подбрасываютъ горстями муки, помѣшивая ее ложкою. Когда сварится тѣсто его выбрасываютъ на чистую дощечку или на низенькій круглый столъ, имѣющійся для этой цѣли, и трапеза готова. Разрѣзываютъ мамалыгу ниткой и ѣдятъ съ молокомъ, творогомъ, масломъ, солеными огурцами, смотря по обстоятельствамъ. Простывшая, она замѣняетъ хлѣбъ, который по деревнямъ большая рѣдкость. Дѣти, которыя вездѣ обыкновенно часто ѣдятъ, въ Россіи просятъ хлѣбца, хлѣбушка, въ Малороссіи *панци*, а здѣсь обращаются къ матерямъ съ просьбою *мамалижки*. Даже собакамъ и кошкамъ бросаютъ мамалыгу. Не знаю—въ какой мѣрѣ пища эта питательна, но она чрезвычайно насыщаетъ, и я не видѣлъ въ Бессарабіи другихъ кушаній, какъ борщъ (непохожій на малорусскій) и мамалыгу; первый однако же поѣдается рѣдко. Развѣ у *резешей* (собственники) да у зажиточнаго крестьянина и то по праздникамъ появляется на столѣ мясо, но обыкновенно готовится мамалыга. И скоро, и удобно. Мнѣ самому приходилось по нѣсколькимъ дней питаться этимъ блюдомъ и, хотя сначала казалось оно мнѣ приторнымъ, однако, скоро къ нему привыкаешь, и со свѣжимъ, хорошимъ масломъ можно ѣсть его съ удовольствіемъ.

Изба у руснака малорусская съ тою только разницею, что по большей части нѣтъ дымовыхъ трубъ, а дымъ выходитъ круглымъ отверстіемъ въ сѣни и, по своему обыкновению, наполняетъ и комнату. Мебель и прочія принадлежности

болѣе сходны съ молдавскими, въ особенности множество ковровъ и ковриковъ, прибитыхъ и постланныхъ, гдѣ только представляется возможность, отличаютъ руснацкую хату отъ малорусской. Чистая изба, предназначенная для гостей, убрана вездѣ очень хорошо, развѣ уже хозяинъ такой бѣднякъ, что тѣснится въ одной клѣткѣ. Обычай этотъ, впрочемъ, соблюдается не по всей нашей Буковинѣ — здѣсь, за Хотиномъ по Днѣстру, народъ живетъ довольно убого, но все-таки, по возможности, коврики посланы хоть по лавкамъ. У зажиточныхъ на лавки кладутся еще и войлоки. На постели положена цѣлая груда подушекъ съ цвѣтными коймами и пирамида одѣяль и ковровъ, согнутыхъ вчетверо, предназначенныхъ на приданое дочерямъ. Образъ жизни руснаковъ ничѣмъ не отличается въ сущности отъ повсемѣстнаго крестьянскаго; здѣсь, какъ и вездѣ, увидите вы постоянный, часто неблагодарный, трудъ и заботы о хозяйствѣ. Земледѣльческія орудія и вся домашняя утварь та же, что у малоруссовъ, за исключеніемъ молдавскаго топора (бардà), котораго я не встрѣчалъ нигдѣ, кромѣ Бессарабіи. Обыкновенная сѣкира есть и у руснаковъ, служащая для рубки дерева, но *бардà* употребляется собственно при обтесываніи. Полное очертаніе барды напоминаетъ великорусскій топоръ, но вырѣзка въ немъ дѣлаетъ его болѣе легкимъ и, какъ говорятъ, удобнымъ. Плугъ, борона, вилы, грабля, коса, рало не отличаются отъ употребляемыхъ на Украйнѣ, только воловыя ярма еще допотопнѣе малорусскихъ. Конныя повозки очень невмѣстительны и всегда дѣлаются съ дышломъ, даже тотъ, у кого одна лошадь, запрягаетъ ее въ дышло. Еслибы кому пришла фантазія пріѣхать сюда въ тарантасѣ съ оглоблями и путешествовать на обывательскихъ, тому предстояло бы много затрудненій. При ѣздѣ на лошадяхъ здѣсь тоже замѣчательно одно, общее съ молдаванами, обыкновеніе: руснакъ на горы не обращаетъ никакого вниманія, и надо ужъ, чтобы гора была слишкомъ *стряжкà*, тогда только онъ приметъ какую нибудь предосторожность, а то летитъ въ карьеръ или, по крайней мѣрѣ, хорошею рысью. Сначала съ непривычки меня это безпокоило, но потомъ, когда я замѣтилъ пріѣздку лошадей, которыя, какъ бы ни бѣжали подъ гору, всегда сдерживаютъ экипажъ, а на гору летятъ изо всѣхъ силъ, я мало по малу вошелъ во вкусъ и пришелъ къ заключенію, что руснакъ или молдаванъ не спустится только тогда, если гора будетъ стоять отвѣсною скалою. Вся

Бессарабія, за исключеніемъ Буджоки, покрыта чрезвычайно волнистою мѣстностью, и есть очень крутые спуски и подъемы.

Распашка земли идетъ обычнымъ у насъ допотопнымъ способомъ, а главный продуктъ крестьянскаго земледѣлія—кукуруза. Сѣютъ ее раннею весною, но какъ не придумали еще способа сѣять такъ, чтобы не тратить напрасно лишнихъ зеренъ, то черезъ нѣсколько времени ее *прашуютъ*, т. е. пропалываютъ, оставляя между стеблями нѣкоторое пространство, необходимое для развитія растенія. Потомъ, уже поздно осенью, ее ломаютъ, очищаютъ отъ шелухи и складываютъ въ особаго рода хворостяные хлѣвцы (кошницы), торчащіе у избъ, точно башенки. Другаго хлѣба не сѣютъ руснакъ, но помѣщики воздѣлываютъ и пшеницу. Кукуруза остается въ полѣ безъ присмотра — не такъ, какъ въ прочихъ мѣстахъ, гдѣ сѣютъ ее вмѣстѣ съ дынями и арбузами на бакшѣ или въ огородахъ, какъ овощъ, составляющая лакомство, потому что у каждаго бѣдняка есть своя плантація. Осенью только ѣдятъ ее деревенскія собаки, которыя отправляются въ поле и выбираютъ лучшіе кочаны, да въ Буковинѣ портятъ ее по ночамъ дикія свиньи. Собаки, впрочемъ, наносятъ вредъ незначительный, потому что ѣдятъ, гдѣ попало, и притомъ въ иныхъ деревняхъ существуетъ обычай—во все время, пока созрѣваетъ и убирается кукуруза, собакъ держать дома на привязи. Значитъ, отъ собакъ не великъ ущербъ для кукурузы. Но дикія свиньи, куда повадятся, особенно со стаей поросятъ, не оставляютъ ни стебля на нивѣ, пока не окончатъ ее совершенно. Руснаки зачастую засѣдаютъ съ ружьями и угощаютъ свинцомъ незваныхъ гостей, но рѣдко это удается. Раза четыре ходилъ я въ ночныя экспедиціи, но не приходилось даже стрѣлять. Руснаки увѣряютъ, что свинья далеко слышитъ запахъ пороха; но если животное это и не обладаетъ такимъ утонченнымъ обоняніемъ, то слухъ у него долженъ быть очень острый: самый тихій говоръ и легкій шумъ заставляютъ его быть осторожнѣе. Одинъ разъ явственно слышалъ я хрюканье свиньи и шелестъ въ кукурузѣ. Въ это время спутникъ мой, лежавшій въ травѣ, хотѣлъ привстать на колѣни, какъ нечаянно попалъ на колючку и весьма негромко произнесъ проклятіе отъ боли. Хрюканье прекратилось, даже не слышно было шелеста, и мы послѣ прождали напрасно часа два въ своей засадѣ. Руснаки однако же убиваютъ свиней въ лѣсахъ, и мнѣ

доводилось лакомиться вкусной поросятиной. Жареные дикіе поросята составляют довольно лакомое блюдо. Руснаки рассказываютъ, что въ прежнее время дичи было гораздо больше, — жалобы, встрѣчаемыя, впрочемъ, повсемѣстно.

Крестьяне продаютъ кукурузу, у кого есть лишняя. На этотъ хлѣбъ всегда есть требованіе, и потому цѣна на него всегда порядочная. Но руснаки продаютъ кукурузу почти за безцѣнокъ мѣстнымъ евреямъ, которые имѣютъ множество средствъ воспользоваться чуть не даромъ трудомъ крестьянина. Изъ всѣхъ евреевъ русской имперіи — надо сказать правду — нигдѣ нѣтъ такихъ закоренѣлыхъ фанатиковъ и недобросовѣстныхъ людей, какъ бессарабскіе евреи. Вездѣ племя это болѣе или менѣе поддается вліянію времени, вездѣ въ немъ примѣтны зачатки, положимъ, и не сознаваемой еще, реформы, но симптомы которой даютъ предчувствовать перемѣну къ лучшему, хоть въ будущемъ поколѣніи. Бессарабскіе евреи словно ограждены китайскою стѣною отъ всякаго внѣшняго вліянія и, наживаясь на счетъ молдаванъ и руснаковъ, не только употребляютъ всевозможныя непозволительныя продѣлки, но изощряются въ изобрѣтеніи новыхъ невообразимыхъ плутней. Это чистая язва для простодушнаго и кроткаго населенія. Сколько ни проѣхалъ я губерній для изученія крестьянскаго быта, сколько ни описывалъ мѣстностей, я не высказывалъ этого мнѣнія. Значить, я говорю такъ не изъ нетерпимости — качества, которымъ, слава Богу, не обладаю, — не изъ какихъ либо личныхъ побужденій, но не могу скрыть истины, бросавшейся мнѣ въ глаза въ теченіе почти двухлѣтняго странствованія по днѣстровскимъ прибрежьямъ. Проживаютъ евреи въ деревняхъ подъ разными видами и предлогами. Иной имѣетъ осѣдлость, другой держитъ на арендѣ имѣніе, разумѣется, частнымъ образомъ и обдираетъ народъ, третій беретъ у помѣщика на откупъ *дигму*, т. е. десятину съ продуктовъ, которую крестьяне обязаны доставлять владѣльцу, четвертый арендуетъ мельницу, пятый закупаетъ сады, и всѣ они, кромѣ спеціальнаго занятія, предаются болѣе спеціальному ростовщичеству. Такъ называемая *камата* (процентъ) растетъ у нихъ не по днямъ, а по часамъ. Одинъ руснакъ выразился очень оригинально: «жидівський левъ и неоглянеся, якъ уродить карбованця». Левъ — гривенникъ. Обыкновенно крестьянинъ въ случаѣ нужды въ деньгахъ, — а деньги ему нужны часто, кромѣ податей, на

разные общественные сборы, — идетъ куда же, какъ не къ еврею. Послѣдній ломается и покупаетъ или кукурузу будущаго урожая, почемъ самъ знаетъ, или овцу, теленка или беретъ проценты по 10 въ мѣсяць, назначая непременно такой срокъ, когда знаетъ, что у крестьянина денегъ быть не можетъ. Приходить срокъ, еврей является за деньгами. Бѣдный проситъ отсрочки, за которую предлагаетъ какое нибудь пожертвованіе. Еврей изъ сожалѣнія соглашается, но высчитываетъ *камату на камату* такимъ образомъ, что капиталъ утраивается. Въ случаѣ неисправности плательщика заимодавецъ имѣетъ всѣ средства взыскать долгъ по своимъ связямъ съ волостнымъ правленіемъ и вообще съ земскою полиціей. Этотъ гнетъ руснаки сносятъ безропотно, но невыносимо кажется имъ иго, если помѣщикъ отдаетъ *дижму* на откупъ еврею, и послѣдній помыкаетъ ими, какъ крѣпостными. Были случаи во время моего путешествія, что еврей взыскивалъ съ крестьянъ, если они не снимали передъ нимъ шапки.

Кромѣ земледѣлія въ Буковинѣ занимаютъ садоводствомъ и преимущественно разведеніемъ сливъ, которыми буквально засажены деревни, лежащія по Днѣстру или не слишкомъ отъ него удаленныя. Отсюда-то и еще изъ окрестностей Старой Ушицы (Подольск. губ.) отправляются огромные обозы съ черносливомъ и расходятся по имперіи. Черносливъ готовится самымъ простымъ способомъ: у cadaго почти крестьянина сдѣлана въ саду небольшая коптильня, на которой подсушиваются сливы, отчего онѣ нестерпимо пахнутъ дымомъ; а плодъ вообще очень хорошъ, такъ что, еслибы употребить другіе приемы, однимъ словомъ улучшить сколько нибудь производство, мы имѣли бы превосходный черносливъ за весьма недорогую цѣну. Въ Буковинѣ крестьяне также воздѣлываютъ въ огородахъ *анисъ*, закупаемый евреями, но говорятъ, что это невыгодно по случаю весьма низкихъ цѣнъ.

Праздникъ руснаки проводятъ, по обычаю всѣхъ простолюдиновъ, разумѣется, за чаркой, у кого есть средства, а молодежь, какъ и у молдаванъ, собирается у корчмы на танцы. Обыкновенно является какой нибудь незатѣйливый музыкантъ, и пляска длится до вечера. Танцы не имѣютъ оригинальности, и рѣдко найдется удалецъ, который отпляшетъ съ особеннымъ шикомъ отчаянную присядку. Молодые парни здѣсь, по примѣру молдаванъ, держатъ свою собственную

верховую лошадь съ доброю сбруею для того, чтобы ѣздить на танцы и на свадьбы, и развѣ уже самый бѣдный не имѣетъ верховаго коня. Зато и деревенскія красавицы смотрятъ на него не съ такимъ вниманіемъ, какъ на молодаго наѣздника. Въ праздникъ здѣсь не работаютъ, развѣ по приращденію помѣщика; и посты строго соблюдаются простонародьемъ. У руснаковъ, впрочемъ, праздниковъ больше, чѣмъ у другихъ православныхъ, или, точнѣе выразиться, руснаки чаще и продолжительнѣе предаются веселой гулянкѣ. Каждый мало-мальски зажиточный крестьянинъ во время храмоваго праздника въ своей деревнѣ считаетъ обязанностью приготовить угощеніе, сколько позволяютъ средства, и ожидаетъ гостей, знакомыхъ и незнакомыхъ, не только изъ сосѣднихъ деревень, но даже лежащихъ довольно далеко. Послѣ обѣдни милости просимъ кому угодно, и пиръ продолжается нерѣдко недѣли двѣ слишкомъ. Гуляетъ вся деревня отъ мала до велика; пожилые сидятъ и пируютъ по домамъ, а молодежь у корчмы, и музыка, пѣсни, пляска не перестаютъ далеко за полночь. Деревни въ Бессарабіи часты, слѣдовательно, нѣтъ недостатка въ храмовыхъ праздникахъ, а руснакъ поѣдетъ на пиръ, пожалуй, верстъ за двадцать и за тридцать. Случается, что въ деревняхъ остаются только старики да дѣти. Но здѣсь замѣчательно одно обстоятельство: дѣвушка, если идетъ только пѣшкомъ въ другое село, несмотря ни на какой жаръ, положимъ, въ іюнѣ, не можетъ показаться въ свѣтѣ безъ своей красивой шубки и потому несетъ ее на плечахъ непременно. И такова сила обычая, что, сколько я ни старался вразумлять дѣвушекъ, онѣ никакъ не соглашались отправляться въ легкихъ костюмахъ.

— Будутъ люди ся сміяти, отвѣтила мнѣ однажды черноглазая Марица, моя хозяйка: — а якъ зъ дівчини ся посміють, то хоть камінь на шию и въ воду.

Подите же, какъ иногда условны приличія: молодая дѣвушка лѣтомъ не можетъ уйти изъ села безъ шубки, а не задумается выбрать когонибудь самыми непристойными словами.

Пьяныхъ я видѣлъ множество, проскакивали и ссоры, но драки случались весьма рѣдко, по крайней мѣрѣ, на тѣхъ нѣсколькихъ храмовыхъ праздникахъ, на которыхъ мнѣ удавалось присутствовать. При крестинахъ, свадьбахъ, похоронахъ обычаевъ, различающихся съ малорусскими, я не

замѣтилъ, хотя, конечно, не могу сказать утвердительно, что такихъ нѣтъ вовсе, потому что пять или шесть обрядовъ, видѣнныхъ мною и то не во всей подробности, не дозволяютъ судить объ этомъ положительно. Здѣсь какъ нельзя болѣе прилагается пословица: что городъ — то норовъ, что село — то обычай.

Отношенія между молодыми людьми до свадьбы у руснаковъ такія же, какъ и въ Малороссіи: перень съ дѣвушкой любезничаютъ открыто, короткость между ними большая, но ласки не переходятъ предѣла, послѣ котораго не остается ничего желать болѣе. Бываютъ случаи, — мнѣ рассказывали сами же руснаки, — что иная дѣвушка не сохраняетъ невинности, но только участникомъ ея проступка не будетъ тотъ, кому она обѣщала свою руку. Странный фактъ! Во всякомъ случаѣ, еслибы избранный воспользовался ея слабостью, то онъ самъ не захочетъ уже на ней жениться въ силу укоренившагося обычая. Но страннѣе то обстоятельство, что дѣвушка проводитъ постоянно время съ молодымъ человекомъ, котораго любитъ, — иначе нельзя и допустить, потому что это дѣло свободного выбора, — а увлекается другимъ, на котораго даже не падаетъ подозрѣніе. Впрочемъ, я говорю о подобныхъ случаяхъ какъ объ отдѣльныхъ и рѣдкихъ, хотя въ *Райн* и трудно ожидать чистоты нравовъ въ этомъ отношеніи, когда живы еще старики, видѣвшіе среди себя въ деревняхъ быть сластолюбивыхъ турокъ. Несмотря однако же на недавнее владычество послѣднихъ, малорусская раса взяла свое: и увлекшуюся дѣвушку ожидаетъ судъ общественнаго мнѣнія, которое успѣло возродиться и окрѣпнуть въ какихъ нибудь пятьдесятъ лѣтъ при всегдашнемъ военномъ постоѣ и при вліяніи помѣщиковъ, долго сохранявшихъ турецкіе нравы.

Что касается религіи, то руснаки, по примѣру всѣхъ простолюдиновъ, обращаютъ больше вниманія на обряды и наружныя формы, въ чемъ ихъ, конечно, и винить невозможно. Не ѣсть въ посты скоромнаго, не работать въ праздникъ, святъ шапку и перекреститься, проходя мимо церкви, поставить во время обѣдни свѣчу, сотворить нѣсколько земныхъ поклоновъ, утромъ и вечеромъ пролепетать молитву съ ошибками, которой зачастую не понимаетъ, какъ, напр., символъ вѣры, — вотъ въ чемъ заключается религія для нашего простолюдина. Онъ свято исполняетъ также всѣ преданія церкви относительно таинствъ, но рѣшительно не знаетъ евангелія,

которое хотя и читаютъ внятно и протяжно, но на языкѣ мало доступномъ; а объ изъясненіи этой святыни я и не говорю, потому что кто же станетъ объяснять крестьянамъ евангеліе! Проповѣдники наши хоть и берутъ иногда предметомъ тексты изъ новаго завѣта, однако, проповѣди, написанныя по правиламъ риторики, по возможности пышнымъ слогомъ, непонятны простонародью, особенно не великорусской расы. Церкви въ Бессарабіи вообще бѣдны. Простенькое строеніе изъ камня или деревянное, отличающееся отъ дома только желѣзнымъ крестомъ, — вотъ храмъ бессарабскій, за исключеніемъ нѣсколькихъ селеній, гдѣ церкви замѣтны издали. Утварь тоже вездѣ самая убогая. Бываютъ случаи въ руснацкихъ селеніяхъ, что на мѣсто заболѣвшаго или отлучившагося дьячка является причетникъ изъ молдавской деревни и читаетъ по молдавски, Духовенство стоитъ на той же степени образованія, что и наше, занимается сельскимъ хозяйствомъ и, по обычаю, смотритъ на приходъ, какъ на болѣе или менѣе выгодное помѣстье. По крайней мѣрѣ я не замѣтилъ другаго направленія.

Въ руснацкихъ деревняхъ нѣтъ сельскихъ училищъ, потому что онѣ, за исключеніемъ одной, всѣ помѣщичьи, а помѣщики въ Бессарабіи состоятъ изъ разнородныхъ племенъ и имѣютъ одну цѣль — извлечь какъ можно больше выгодъ изъ своихъ имѣній. Нравственность народа, его развитіе и благосостояніе не имѣютъ для нихъ никакого значенія, а мѣстныя власти до сихъ поръ еще, вѣроятно, не улучили времени подумать объ учрежденіи училищъ. Не смѣю даже сказать, есть ли въ народѣ стремленіе къ грамотности, ибо нѣсколько случаевъ нельзя признать за общее желаніе, тѣмъ болѣе, что, бесѣдуя съ крестьянами, я часто слыхалъ: на что намъ грамота? Грустная истина, но горю пособить иначе нельзя, какъ при инициативѣ свыше. Не говорю у молдаванъ — тамъ трудно завести училища: учиться молдавской грамотѣ не позволяютъ, а по русски будетъ мало охотниковъ, но въ руснацкихъ деревняхъ, именно въ Хотинскомъ уѣздѣ (въ Сорокскомъ ихъ немного), я предложилъ бы учить народъ по грамматикѣ г. Кулеша, столь удобной и такъ легко изучаемой малоруссами. А немного стоило бы труда завести училища. Народъ легко убѣдить въ необходимости грамоты, и большія села безъ хлопотъ учредили бы школы, въ которыхъ на первыхъ порахъ учителей могли бы замѣнить священники. Крестьяне (человѣкъ десять, не больше, надо правду ска-

зять), которые скорбѣли объ отсутствіи училищъ, выражали сожалѣніе главнѣйше о томъ, что дѣти ихъ по безграмотству не могутъ хорошо молиться Богу; другихъ мотивовъ они не сознаютъ, значить, легко дѣйствовать на убѣжденіе крестьянина. На помѣщиковъ въ этомъ случаѣ надѣяться нечего, — они сами не займутся учрежденіемъ училищъ, но отчего не принять бы участія въ этомъ благомъ дѣлѣ областнымъ властямъ и хотъ бы нѣсколько приготовить почву для послѣдующихъ дѣятелей.

Здѣсь, я полагаю, кстати сдѣлать легкій очеркъ быта бессарабскаго крестьянина, который, положимъ, мнѣ извѣстенъ только по побережьямъ Днѣстра, но не долженствующій много разниться и внутри страны, гдѣ бывалъ я мимоходомъ. Казенные крестьяне, которыхъ здѣсь не такъ много, управляемые палатою государственныхъ имуществъ, подходятъ подъ уровень своихъ собратьевъ прочихъ губерній; но владѣльческіе, состоя на общемъ правѣ, заслуживаютъ, чтобы о нихъ поговорить подробнѣе. Извѣстно, что крѣпостное право въ Бессарабіи тяготѣетъ надъ одними цыганами, составляющими классъ дворовыхъ; но собственно крестьяне свободны и живутъ на владѣльческихъ земляхъ по контракту, основанному на обоюдномъ договорѣ. Въ силу положенія, составленнаго землевладѣльцами и утвержденнаго правительствомъ, помѣщикъ за землю, даваемую крестьянамъ, пользуется отъ послѣднихъ только 12 днями работы въ годъ да десятой частью отъ продуктовъ; затѣмъ не существуетъ никакихъ взаимныхъ отношеній. Сельскія общины избираютъ старосту, группируются въ волости подъ начальствомъ тоже избраннаго головы и, повидимому, пользуются самоуправленіемъ подъ вѣдѣніемъ земской полиціи. Но въ это самоуправленіе вкралась помѣщичья власть, ибо помѣщикъ можетъ наказывать крестьянина за лѣность и грубость по закону самымъ незначительнымъ количествомъ ударовъ. Казалось бы, чего и желать болѣе. Край долженъ благоденствовать, и онъ дѣйствительно благоденствуетъ... на бумагѣ, въ отчетахъ начальства. На дѣлѣ выходитъ совершенно другое, и нѣтъ у насъ въ Россіи бѣднѣе и угнетеннѣе сословія, какъ бессарабскіе владѣльческіе крестьяне вслѣдствіе злоупотребленій чиновничества и отчасти по причинѣ довѣрія правительства къ представителямъ положенія о распредѣленіи рабочаго времени. Двѣнадцать рабочихъ дней въ годъ, казалось бы, какое слабое вознагражденіе за землю; но эта самая незначительность

количества и должна была возродить подозрѣніе въ существованіи какой нибудь недобросовѣстной лазейки, безъ чего дворянство могло бы служить образцомъ гуманности и высокихъ христіанскихъ добродѣтелей. Я самъ думалъ сначала, что владѣльческіе крестьяне народъ лѣнивый и неблагодарный, бѣдность ихъ приписывалъ пьянству и непростительной безпечности, ставилъ имъ въ примѣръ прочія губерніи, гдѣ крестьянинъ отдаетъ половину труда, а все-таки при усердіи и заботливости имѣетъ кусокъ хлѣба; но ближайшее знакомство съ краемъ открыло мнѣ глаза, и я убѣдился, что бессарабскій крестьянинъ работаетъ больше другихъ и что личность его не избавлена ни отъ побоевъ, ни даже отъ истязаній. Многимъ это можетъ показаться невѣроятнымъ; найдутся люди, готовые опровергать меня, вооружась печатными постановленіями; но вѣдь и я недаромъ жилъ по деревнямъ Бессарабіи. Замѣтите, что вездѣ, говоря о рабочихъ дняхъ, помѣщикъ прибавитъ прилагательное *пунктовый*, а пунктовый день къ обыкновенному рабочему дню относится какъ одинъ къ восьми или, по крайней мѣрѣ, къ семи. Уроки работы такъ рассчитаны, особенно во время жатвы, что крестьянинъ съ семьей едва отбудетъ одинъ день въ теченіе цѣлой недѣли. Помѣщикъ обязанъ требовать только по три дня въ каждое время года, но онъ, по обстоятельствамъ, отбираетъ свои дни, когда ему удобнѣе, несмотря на ущербъ крестьянскихъ работъ, имѣя поддержку въ снисходительной земской полиціи. Впрочемъ, и во время спѣшныхъ полевыхъ работъ, когда люди выйдутъ на барщину и нѣкоторое время поработаютъ, если пойдетъ дождь, крестьяне отпускаются по домамъ и могутъ заниматься чѣмъ имъ угодно. Прикащикъ, а иногда и самъ поссесоръ, вооруженный длинной плетью, точь въ точь американскій плантаторъ, присматриваетъ за рабочими, и нерѣдко кнутъ безнаказанно гуляетъ по спинѣ свободаго крестьянина. Мало этого помѣщикъ или поссесоръ требуетъ отъ старосты законнаго удовлетворенія, а староста, почти всегда состоя на откупѣ у владѣльца и пользуясь кое-какими выгодами, составляетъ приговоръ, и розги иллюминуютъ абрисъ, проведенный предварительно плетью. Здѣсь въ рѣдкихъ имѣніяхъ (за исключеніемъ Хотинскаго уѣзда) живетъ помѣщикъ, а если и живетъ, то не мѣшается въ управленіе, потому что имѣнія отдають въ аренду поссесорамъ — грекамъ, армянамъ, полякамъ, молдаванамъ, евреямъ и кое-гдѣ русскимъ. Заплативъ помѣщику порядочную сумму, поссесоръ за-

ботится только о наживѣ, и отъ подобнаго господина трудно ожидать гуманныхъ стремленій, да и мечтать о гуманизмѣ было бы какъ-то дико при взглядѣ на поименованныя національности. Притомъ же значительная часть имѣній принадлежитъ заграничнымъ монастырямъ, которые имѣютъ здѣсь своихъ повѣренныхъ, сколько помнится, преимущественно изъ монаховъ-грековъ. Послѣдніе ими управляютъ сами или отдаютъ имѣнія въ аренду. Управление монаховъ не отличается гуманностью, а гдѣ имѣнія отданы въ аренду, тамъ еще хуже, потому что монастыри требуютъ огромныя суммы отъ своихъ посесоровъ. И уходить за границу, кажется, болѣе полумилліона серебромъ на содержаніе людей, отрехшихся отъ міра и земныхъ благъ.

Не имѣя ни клочка земли, бессарабскій крестьянинъ не пользуется и прутикомъ лѣса, и, несмотря, что сѣверная часть Бессарабіи покрыта лѣсами, мужикъ и тамъ, за дорогую сравнительно цѣну, покупаетъ у своего владѣльца топливо и вообще каждый кусокъ дерева, необходимый ему на разныя хозяйственныя надобности.

Кромѣ тяжелой барщины, отбываемой за подѣлъ земли, крестьянинъ обязанъ отдавать помѣщику *дыжму*, т. е. десятую часть своихъ продуктовъ, и это феодальное право причиняетъ бѣдному земледѣльцу едва ли не болѣе ущерба и горя, чѣмъ самая барщина и крѣпостная зависимость. Я увѣренъ, что никто не станетъ опровергать послѣдней, ссылаясь только на законы: если помѣщикъ имѣетъ право наказать мужика хоть однимъ ударомъ, то при снисходительности полиціи нетрудно представить себѣ — до какой степени можетъ увеличиваться единица. Худо тамъ, гдѣ самъ владѣлецъ собираетъ *дыжму*, но еще хуже, гдѣ отдаетъ ее на откупъ еврею. Положимъ, что крестьянинъ необыкновенно трудолюбивъ и работаетъ за двоихъ, такъ что, не взирая на огромную барщину, успѣлъ обработать и собственное поле. И вотъ ему надо бы убирать хлѣбъ, свозить его, пользуясь погодой, но его *не дыжмуютъ*, т. е. у него еще не отбирали десятой части, безъ чего онъ не можетъ распорядиться плодами трудовъ своихъ. Не буду говорить касательно помѣщиковъ, потому что не доводилось слышать, но евреи получаютъ порядочные барыши, смотря по тому — раньше или позже отбираютъ свою десятину. Говорятъ, положительно запрещено закономъ еврею распорядиться крестьянскимъ обязательнымъ трудомъ, но въ Бессарабіи сплошь и рядомъ

племя это получает различныя льготы и открыто пользуется непозволительными привилегіями. Я далеку отъ какой бы то ни было нетерпимости и искренно желаю еврейскому племени гражданской полноправности; но бессарабскіе евреи не должны входить въ расчетъ, пока не коснется ихъ сколько нибудь цивилизація, пока они не перестанутъ жить на счетъ бѣднаго земледѣльца вопіющими неправдами. Положа руку на сердце, можно сказать, что бессарабскіе евреи сосутъ всѣ здоровыя соки изъ края въ ущербъ полубольному организму, который, несмотря на мѣстныя благодатныя условія, не можетъ придти въ нормальное состояніе по свойству самой администраціи. Мнѣ искренно жаль двухъ добрыхъ и кроткихъ племенъ — молдаванъ и руснаковъ, опутанныхъ стѣснительными положеніями, борющихся постоянно и безплодно съ нуждою и отдающихъ значительную часть своихъ скудныхъ доходовъ или на улучшеніе быта людей, скрывающихся перьями, или на увеличеніе благосостоянія владѣльцевъ и тонкихъ грабителей — евреевъ.

Разсадники сыновъ Израиля—города и мѣстечки. Есть, на примѣръ, въ Хотинскомъ уѣздѣ мѣстечко Бричаны, въ которомъ пять съ половиною тысячъ жителей, но въ этомъ числѣ едва десятая часть христіанъ. О массѣ евреевъ можно судить по количеству ихъ учебныхъ заведеній, цифра которыхъ доходитъ до семнадцати. Ни одно изъ еврейскихъ семействъ не занимается земледѣліемъ, а всѣ торгуютъ или живутъ изъ барышей. Теперь вопросъ: чѣмъ могутъ торговать нѣсколько тысячъ торговцевъ въ глухомъ мѣстечкѣ, въ пятидесяти верстахъ отъ границы? Понятно, что здѣсь играютъ главную роль два условія: контрабанда и эксплуатація простодушныхъ поселянъ, собирающихся на ярмарки (такъ называются въ краю еженедѣльные базары). Надо сказать, что бессарабскіе евреи въ совершенствѣ знаютъ молдавскій языкъ и руснацкое нарѣчіе, а потому и не встрѣчаютъ никакого затрудненія въ сношеніяхъ съ простонародьемъ. Обходя шумныя ярмарки съ цѣлью изученія народнаго быта, особенно въ Хотинскомъ уѣздѣ, я любилъ останавливаться возлѣ группы евреевъ, торговавшихъ какой нибудь предметъ у руснака. Руснакъ, положимъ, вывелъ хорошую корову и протянулъ себѣ на возу въ ожиданіи покупателей. Соломенный бриль или высокая барашковая шапка нахлобучены на глаза, длинныя доконы развѣваются по вѣтру, и руснакъ преспокойно курить люльку со множествомъ брелочковъ словно на часовой цѣпочкѣ

у второстепеннаго щеголя. Добрая корова давно уже привлекла вниманіе евреевъ, и они уже описали не одинъ концентрической кругъ, оглядывая ее издалека и приторговывая разными разности на возахъ, стоящихъ вокругъ, чтобы не дать повода владѣльцу коровы догадаться о ихъ прямомъ желаніи. Если на ярмаркѣ есть нѣсколько поссесоровъ, имѣющихъ нужду въ скотѣ и не считающихъ грѣхомъ надуть крестьянина, евреи изъ любви и преданности давно уже нашли пороки въ животномъ и увѣрили, что они знаютъ эту корову, которую торговали прошлый годъ и Мордко, и Волько, и сама Хайка, но что добрые люди, спасибо, отговорили. Иной поссесоръ не поддается на подобную штуку и спросить руснака о цѣнѣ. Послѣдній иногда заломить чудовищную сумму, получить въ отвѣтъ дурака или что нибудь энергичнѣе и лишается покупателя. Тогда евреи начинаютъ свои продѣлки. Вотъ одинъ, какъ бы мимоходомъ, заглядываетъ въ повозку.

— А що у тебе продать? спрашиваетъ онъ.

— Слпий, небачишь корови? отвѣчаетъ руснакъ.

— Корова! А я думавъ що друге.

Руснакъ не считаетъ приличнымъ продолжать разговоръ.

— Ну, а що бъ ти хотівъ за свою корову? ну?

— Двадцать пять карбованцівъ.

— Якъ двадцать! Дежъ така ціна? Ну, бо вогори, чуешь?

— Та яжъ вогорю двадцять пять.

Другіе евреи стоятъ молча и усмѣхаются.

— Чуешь що я тобі скажу: возьми десять.

— И то грóші.

— Ти іого не слухай, подхватываетъ другой, подбѣгая къ возу: — я дамъ одиннадцать. Ну?

— Та идіть собі къ бісовій матері, яжъ вогорю свою цину.

— Ну, чуешь, що я буду тобі вогорить, вмѣшивается третій: — одиннадцать карбованцівъ и пять левовъ.

— Иди къ чорту.

— Такъ чуешь, більше мене никто не дастъ: дванадцать карбованцівъ и око горівки.

При магическомъ словѣ горівки руснакъ дѣлается привѣтливѣе, начинаетъ уступать понемногу и кончаетъ тѣмъ, что продаетъ корову рублей за тринадцать и штофъ водки.

Справедливость однако же требуетъ сказать, что одни только евреи сообщаютъ краю торговое движеніе, а безъ нихъ былъ бы рѣшительный застой. Теперь крестьянинъ, по край-

ней мѣрѣ, имѣетъ вѣрный сбытъ, хотя и за весьма небольшую цѣну. Но пусть бы евреи торговали нечестно, здѣсь еще можно иногда помочь горю, — зачѣмъ же они обираютъ народъ другими средствами; зачѣмъ, пользуясь недалковидностью и алчностью владѣльцевъ, посягаютъ на достояніе бѣднаго хлѣбопашца?

Кромѣ тяжелой зависимости отъ помѣщика, которая мало чѣмъ уступаетъ крѣпостному праву, бессарабскій владѣльческій крестьянинъ находится подъ безусловнымъ вѣдѣніемъ земской полиціи. Его приколотитъ голова, побьетъ участковый засѣдатель (становой), высѣчетъ и земскій начальникъ (исправникъ) не только за всякій вздоръ, но часто и безъ всякой причины. Мало этого каждый канцелярскій чиновникъ можетъ наколотить зубы, не говоря уже о *каларашахъ*, которые въ деревнѣ играютъ роль баши-бузуковъ. Калараша — особый классъ полицейскихъ служителей, существующій только въ Бессарабіи. Каларашъ, если хотите, вродѣ разсылнаго, но непременно конный, одѣтъ по казачьи и вооруженъ саблей и нагайкой. Калараша состоятъ при земскомъ судѣ и составляютъ какъ бы гвардію земскаго начальника. Куда нужно послѣднему онъ разсылаетъ ихъ или беретъ съ собою, смотря по надобности. Въ присутствіи исправника каларашъ, конечно, не забывается, но, если посланъ куданибудь одинъ, приводитъ въ ужасъ цѣлую деревню. Слѣдуя куданибудь съ приказаніемъ, онъ обыкновенно пріѣзжаетъ въ деревню, бросаетъ свою лошадь и садится на крестьянскую, которую перемѣняетъ въ слѣдующемъ селѣ, и такимъ образомъ исполняетъ порученіе. Но лошади его, сколько ни находилась бы она въ селеніи, обязаны давать овса и сѣна. О личномъ угощеніи калараша я и не говорю: всякое продовольствіе, особенно водка, доставляется ему въ подобающемъ количествѣ, въ противномъ случаѣ въ опасности не только личность хозяина, но и самого старшины. Разумѣется, всѣ эти дѣйствія чисто произвольны; каларашъ не имѣетъ ни на что права и никакой власти, но, состоя при земскомъ судѣ, спѣшитъ пользоваться привилегіями, захваченными полиціей. Пріѣздъ калараша въ деревню особенно пріятенъ деспоту-помѣщику или поссесору, который, несмотря на врожденную кровожадность, надѣленъ порядочной трусостью и не смѣетъ предаваться плантаторскимъ стремленіямъ на столько, на сколько бы ему хотѣлось. Каларашъ для такого господина самый пріятный гость, потому что нагайка его, принимая,

разумѣется незаконно, видѣ офіціального орудія наказанія. можетъ безнаказанно гулять по спинамъ мужиковъ, почему нибудь заслужившихъ гнѣвъ помѣщика.

Независимо отъ этой неприятной стороны быта бессарабскаго владѣльческаго крестьянина послѣдній сильно стѣсненъ и въ финансовомъ отношеніи. Расходы его, неизбежные, но непродуцательные, слишкомъ велики, чтобы онъ могъ надѣяться улучшить когда бы то ни было свое благосостояніе. Казенныя подати, разумѣется, вездѣ одинаковы, но такъ называемый общественный сборъ доходитъ иногда до весьма значительной цифры и разлагается, смотря по произволу мѣстной уѣздной власти. Какъ и куда онъ расходуется — про то вѣдаетъ бумага, на которой пишутся общія суммы, но подробности считаются, вѣроятно, ни для кого не интересными. Сборы эти однако-жъ не избавляютъ крестьянина отъ всевозможныхъ натуральныхъ повинностей, и не рѣдко видѣть рабочихъ въ самую страдную пору гдѣ нибудь на большой дорогѣ, верстъ за тридцать отъ мѣста жительства. Разоряютъ ихъ также общественные запасные магазины. Постройка ихъ обходится очень дорого, но еще тягостнѣе особенное свойство этихъ магазиновъ — требовать постоянной починки. Кромѣ этого волостной голова, какъ безусловный хозяинъ, можетъ дѣлать разные наряды по усмотрѣнію, отстаивая владѣльческіе интересы и становясь деспотическимъ угнетателемъ простонародья. И здѣсь выборъ головы — одна кукольная комедія; воля и участіе общины въ этихъ выборахъ играютъ самую ничтожную роль, а обыкновенно утверждаются люди, заслуживающіе довѣріе земской полиціи.

Въ законѣ, опредѣляющемъ отношенія владѣльцевъ къ крестьянамъ и *vice versa*, не обойдена однако-жъ идея равноправности: послѣднимъ предоставлено право перехода, если пребываніе у помѣщика они считаютъ для себя невыгоднымъ. Но легко это сказать, а на дѣлѣ бѣдняку чрезвычайно трудно отойти отъ владѣльца, потому что для этого нужно исполнить многія формальности, почти всегда недоступныя или чрезмѣрно трудныя для крестьянина. По понятіямъ нѣкоторыхъ, если *царанинъ* (владѣльческій крестьянинъ) недоволенъ помѣщикомъ, хотя бы и выжилъ срокъ, и желаетъ перейти къ другому, то, значить, онъ дѣйствуетъ противъ владѣльца, слѣдовательно ему необходимо *внушить* уваженіе. Извѣстно, что значить этотъ глаголъ въ иныхъ случаяхъ. Однимъ словомъ, пока царанинъ добьется перехода, не разъ

ему придетъ на мысль пословица: »пока солнце взойдетъ — роса глаза выѣстъ«. Но я не говорю, чтобы крестьяне совсѣмъ не переходили; бываютъ, хоть и рѣдко, эти случаи. И ужь, конечно, бѣдняку должно быть очень худо, если онъ рѣшается оставить, не говорю родину, могилы предковъ, имѣющія такое важное значеніе, но и свою хату со всѣми постройками и незатѣйливыми удобствами. На новомъ мѣстѣ предстоитъ необходимость заводитья всѣмъ, а нельзя предположить, чтобы, оставляя прежняго владѣльца, онъ покончилъ свои счеты съ выгодой для себя. Есть однако же примѣры, что переходили цѣлыя деревни.

Да не подумаетъ читатель, что въ цѣлой Бессарабіи или, вѣрнѣе сказать, въ ея части, посѣщенной мною, вѣтъ ни одного помѣщика, который, соблюдая свои выгоды, смотрѣлъ бы вмѣстѣ и на выгоды простаго люда, требуя по возможности должнаго и жертвуя частицею доходовъ. Конечно, подобныя исключенія рѣдки, но все же они существуютъ, и я могъ бы поименовать два—три имѣнія, въ которыхъ обѣ стороны довольны и живутъ въ добромъ согласіи. Но справедливость заставляетъ сказать, что и бессарабскій помѣщикій крестьянинъ требуетъ улучшенія быта или, вѣрнѣе, измѣненія нормальнаго контракта, иначе онъ останется далеко позади крестьянъ прочихъ губерній. Государственный крестьянинъ, особенно мелкій собственникъ (резешъ), можно сказать, благоденствуетъ сравнительно съ цараниномъ, и, если послѣднему не суждено имѣть клочка собственной земли и угодьевъ, что все принадлежитъ помѣщикамъ, то, по крайней мѣрѣ, плата за трудъ царанина должна возвыситься значительно. Не спорю, что въ Бессарабіи очень выгодно имѣть имѣніе, что выгодно и служить тамъ при настоящемъ порядкѣ вещей, но вѣдь это еще не основаніе думать, чтобы подобное Эльдorado могло пребывать *in statu quo* цѣлую вѣчность. Есть, впрочемъ, весьма наивные люди между бессарабскими помѣщиками, съ которыми случалось мнѣ бесѣдовать о положеніи владѣльческихъ имѣній. Иной господинъ, отдающій свое имѣніе какому нибудь закоренѣлому плантатору, считаетъ себя совершенно правымъ передъ крестьянами, потому что не онъ самъ ихъ притѣсняетъ и выжимаетъ изъ нихъ возможно большіе доходы. Этому мало такой господинъ сознаетъ даже, что арендаторъ его черезчуръ жестокъ и грабитъ крестьянъ. Когда однажды началъ я разговаривать съ образованнымъ, повидимому, помѣщикомъ, который даже получаетъ газету (а это —

рѣдкость въ знакомой мнѣ части Бессарабіи), о томъ, что настоящій порядокъ, вѣроятно, измѣнится сообразно съ прочими губерніями имперіи, — мой собесѣдникъ почти соглашался со мною.

— Допустимъ, сказалъ онъ: — что у насъ много злоупотреблений, что крестьяне угнетены и владѣлецъ можетъ ихъ притѣснять въ свою пользу, сколько хочетъ. Допустимъ, наконецъ, что правительство пересмотритъ нормальный контрактъ и измѣнитъ пунктовые дни. Я не спорю, что крестьянину будетъ лучше, да и помѣщику можно еще жить; но позвольте васъ спросить, куда дѣнутся сотни посесоровъ съ семействами, которые имѣютъ теперь безбѣдный кусокъ хлѣба?

Слѣдовательно посесоръ при существующихъ высокихъ цѣнахъ за наемъ имѣнія иначе не можетъ получить барыша, какъ одними злоупотребленіями, падающими всей тяжестью на крестьянское сословіе. Но и помѣщики, сами занимающіеся хозяйствомъ, умѣютъ извлекать возможно большіе доходы, и повторяю, что мало я знаю имѣній, гдѣ царанинъ не былъ бы эксплуатируемъ, нерѣдко самымъ вопіющимъ образомъ.

Дворянство, раздробленное на національности, не можетъ похвалиться образованіемъ, и если мнѣ встрѣчалось нѣсколько молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, то они пока не имѣютъ еще вліянія на значительное большинство остальныхъ частью потому, что люди стараго покроя неисправимы, а частью оттого, что сами скоро облѣниваются и, привыкнувъ къ деревенскому захоластью, теряютъ энергію. Иной, впрочемъ, образованный господинъ отличается отъ невѣжды-сосѣда только тѣмъ, что получаетъ журналы, не носитъ допотопнаго балахона, а крестьянъ притѣсняетъ не хуже прочихъ съ тою только разницею, что старовѣръ не сознаетъ этой дикой аномаліи, а болѣе современный помѣщикъ старается оправдаться грубостью и невѣжествомъ простонародья. Вообще у послѣднихъ развита общая болѣзнь — фраза, которою такъ удобно можно драпироваться и, пожалуй, иногда производить эффектъ въ малоразвитомъ обществѣ. И если припомнимъ, какъ недавно еще сперва первоклассные писатели наши, а потомъ журналы начали преслѣдовать фразу, если вникнемъ, что она до сихъ поръ не лишена права гражданства въ столицѣ, то понятно, какое значеніе имѣетъ она еще въ провинціи, гдѣ самыя отчаянныя риторическія фигуры, даже семинарской конструкціи, доставляютъ названіе

оратора. А если разговоръ пересыпать выраженіями, выхваченными изъ журнальныхъ статей, выраженіями, смыслъ которыхъ непонятенъ и самому витіи, то въ окологдѣ непременно возникнетъ къ оратору боязливо ребяческое уваженіе. Но такова судьба фразы: несмотря на разинутые рты слушателей, которыхъ она приводитъ въ экстазъ, ни одинъ изъ послѣднихъ не вѣритъ въ истины, которыя старается она представить, и удивляется собственно и изворотливости, и бойкости оратора. Случилось мнѣ однажды присутствовать — впрочемъ, не въ Бессарабіи — при интересной сценѣ во время сѣзда на именинахъ у богатаго помѣщика. Многочисленнымъ гостямъ отведены были разныя помѣщенія во флигеляхъ, мастерскихъ и даже въ банѣ, гдѣ и я, на верхней полкѣ, занялъ себѣ квартиру. По уходѣ изъ большаго дома, гдѣ помѣщались только сильные міра, общество обыкновенно группировалось для продолженія преферанса или для болтовни, или, наконецъ, для потѣхи надъ какими нибудь дѣйствительно смѣшными, а подъ - часъ и безотвѣтными господами. Въ числѣ гостей былъ одинъ молодой человекъ, возвратившійся прямо изъ-за границы, со всѣми атрибутами европейца и съ безусловнымъ обожаніемъ заграничнаго быта. Но вы не думайте, что господинъ этотъ ѣздилъ въ чужіе края для обогащенія себя познаніями; въ этомъ онъ не видѣлъ никакой необходимости. Окончивъ курсъ въ университетѣ и получивъ отъ бабушки болѣе тысячи душъ въ наслѣдство, онъ прокатился по Европѣ, прожилъ долго въ Парижѣ, накупилъ мимоходомъ разныхъ хозяйственныхъ машинъ и навезъ множество книгъ, взятыхъ безъ разбора. Всѣ глядѣли на него, какъ на оракула, и, разумѣется, этотъ молодой человекъ, уже по одному количеству душъ, получилъ помѣщеніе въ главномъ домѣ, тѣмъ болѣе еще, что былъ холостъ. Весь его разговоръ состоялъ изъ однѣхъ фразъ, но высказанныхъ довольно гладко съ приличными вставками изъ иностранныхъ фельетоновъ. Что онъ отстаивалъ, что проповѣдывалъ — трудно было судить по отсутствію содержанія въ его бесѣдѣ, но слова: прогрессъ, либерализмъ, рутина сыпались у него постоянно и неприятно дѣйствовали на слушателей, которые хотя и удивлялись изумительному краснорѣчію и не понимали терминовъ, но догадывались, что въ нихъ кроется насмѣшка и обвиненіе большинству, особенно при тогдашнемъ состояніи духа нашихъ землевладѣльцевъ. Въ томъ же обществѣ гостилъ одинъ пожилой господинъ, какой-то отставной ротмистръ, извѣстный гово-

рунь и слывшій подъ именемъ умнаго и практическаго человека, «который хоть и не ученъ, а заткнетъ за поясъ всякаго ученаго». Иногда для большаго убѣжденія приводилось свѣдѣнiе, что онъ былъ первый эскадронный командиръ въ дивизіи. Онъ не взлюбилъ молодаго оратора, и какъ послѣдній, можетъ быть, и безъ особеннаго сочувствiя къ дѣлу, пускалъ фразы объ «эмансипаціи», то всѣ почти смотрѣли на него неблагосклонно и просили ротмистра отдѣлать заграничнаго либерала. Не забудьте, что это было вскорѣ послѣ известнаго рескрипта виленскому генераль-губернатору. На другой день бала оставалось все почти общество, и молодой человекъ, какъ нарочно, за обѣдомъ прочелъ цѣлую лекцію о гуманности, свободномъ трудѣ, положимъ, съ большими ошибками, путая и философовъ, и экономистовъ, перескакивая изъ одной школы въ другую, но успѣлъ вооружить противъ себя присутствующихъ. Исправникъ, имѣвшій необходимость ладить со всѣми, пытался было обратить все въ шутку и говорилъ раза два оратору: — я ничего не слышу, какъ официальное лицо, можете взять свои слова назадъ.

Отставной ротмистръ хмурился и въ полголоса говорилъ своимъ сосѣдямъ, что «надо проучить выскочку», но такъ какъ за обѣдомъ неловко, тѣмъ болѣе, что хозяинъ, кажется, имѣетъ на него виды, то постарается устроить дѣло вечеромъ. Дѣйствительно судья, занимавшій съ кѣмъ-то отдѣльную комнату во флигелѣ и любившій азартныя игры, предложилъ срѣзаться въ «стосенка». Подобное названіе объяснялъ онъ тѣмъ, что настоящій добрый стосъ уже вывелся, а остался его сынъ — стосенко, который далеко слабѣе родителя. Молодой ораторъ, разумѣется, былъ приглашенъ, и квартира судьи наполнилась помѣщиками. Я не пошелъ, потому что не играю, и предпочелъ успокоиться, но одинъ знакомый прибѣжалъ съ обрадованной физиономіей.

— Пойдемте къ судьѣ.

— Я вѣдь не играю.

— Ничего, тамъ произойдетъ интересный споръ ротмистра съ заграничнымъ выскочкой. Любопытно.

— Это другое дѣло.

И, накинувъ наскоро пальто, я отправился на помѣщичій митингъ. Въ квартирѣ судьи не было, буквально, мѣста. Вокругъ двухъ ломберныхъ столовъ, плотно сдвинутыхъ, засѣдали банкоты и понтеры, а въ два ряда за ними тѣснилась публика. Карты еще не были распечатаны. Произошло состоя-

заніе о крѣпостномъ правѣ, и тутъ-то я замѣтилъ направленіе, которое должно было обнаружиться во многихъ комитетахъ. Но интереснѣе всего были возраженія практическаго ротмистра. Спорящіе начали откапывать данный вопросъ въ глубокой древности, и хоть молодой человѣкъ былъ не довольно силенъ въ исторіи, однако, при полномъ отсутствіи познанія въ этой наукѣ у своего противника, по крайней мѣрѣ, сыпалъ имена героевъ и авторитетовъ. Случившійся тутъ учитель уѣзднаго училища толкнулъ меня при двухъ или трехъ анахронизмахъ, но я удерживалъ его порывы. Ротмистръ настаивалъ на необходимости абсолютнаго рабства и приводилъ довольно кстати тексты изъ ветхаго завѣта, который и доселѣ еще служить обильнымъ источникомъ для поборниковъ отжившаго права. На самыя же убѣдительныя доказательства молодаго человѣка ротмистръ, стуча кулакомъ по столу, восклицалъ:

— А я вамъ скажу, что у насъ нужны двѣ вещи: палка и ежовыя рукавицы.

— Да отчего же? спросилъ наконецъ ораторъ.

— Оттого что дворянинъ и помѣщикъ обязанъ держать въ повиновеніи...

Многіе апплодировали. Встрѣчая сочувствіе слушателей, ротмистръ гордо поднялъ голову.

— А историческій ходъ событій? спросилъ молодой человѣкъ.

— Скажите лучше — истерическій, замѣтилъ ротмистръ.

— Ха, ха, ха! славно! раздалось вокругъ.

— Вы, значить, не изучали *человѣка*?

— Кто, я? Ну, ужъ извините, я такъ изучилъ *человѣка*, что вамъ и не снилось. Эй, Сенька!

Опрометью сквозь толпу протѣснился Сенька, держа въ одной рукѣ трубку, въ другой бумажку для зажиганія.

— Сенька! кто былъ умнѣе всѣхъ людей на свѣтѣ?

— Ной.

— Почему?

— Онъ первый придумалъ давить гроздіе винограда для потѣхи сердца *человѣческаго*.

— Ха, ха, ха! слышалось отовсюду: — вотъ бестія!

— Сенька!

— Чего изволите?

— Что сильнѣе всего на свѣтѣ?

— Палка.

— А что вреднѣе всего на свѣтѣ?

— Книги и писаки.

Раздался хохотъ.

— Ну, ступай, сказала ротмистръ Сенькѣ, который юркнулъ въ двери. — Теперь, господа, скажите откровенно — не изучалъ ли я человѣка?

Молодой ораторъ смотрѣлъ во все глаза.

— Я не зналъ, проговорилъ онъ съ оттѣнкомъ легкаго негодованія: — что разговоръ приметъ такой оборотъ, а потому не лучше ли приступить къ дѣлу.

— Ей Богу, пора, сказала судья, ворочая въ рукахъ карты: — вѣдь радужныя давно пицать подъ шандаломъ.

— То-то, молодой человѣкъ, отозвался ротмистръ: — что вы понимаете вещи не такъ, какъ слѣдуетъ. Не мы, старики, шутимъ, съ честью поддерживая славу отцовъ, а вы, новое поколѣніе, нахватавшись разныхъ этакихъ идей, которыя не годятся для русскаго желудка.

— Духъ времени беретъ свое. Кантъ не принадлежалъ къ моему поколѣнію, а послушайте...

— Никакихъ Кантовъ не слушалъ и слушать не буду, я знаю одинъ только синій кантъ на форменныхъ шароварахъ.

Взрывъ аплодисментовъ раздался вокругъ, и громкое браво увѣнчало горластаго антагониста. Молодой человѣкъ взялъ понтерки и обратился къ судѣ съ вопросомъ:

— Готово?

Я ушелъ спать въ свою баню. На другой день до самаго обѣда помѣщики разсуждали, какъ славно ротмистръ отдѣлалъ заграничнаго выскочку.

Представьте же, что губернія, въ которой происходила описанная сцена, по образованію стоитъ гораздо выше Бессарабіи, и если дворянство первой въ 1858 году составляло подобные митинги, то каковы же должны быть митинги бессарабскіе. Конечно, есть въ ней личности высоко образованныя, проникнутыя гуманными стремленіями, но усилія этихъ немногихъ не въ состояніи подвинуть впередъ цивилизаціи. Не знаю даже, чего можно надѣяться отъ молодаго поколѣнія, сидящаго на школьныхъ скамейкахъ. Мнѣ удавалось видѣть нѣсколько гимназистовъ лѣтомъ на вакаціяхъ и бесѣдовать съ ними: мальчики пропитаны сословными отношеніями. О будущемъ разсуждали они съ точки зрѣнія служебной карьеры. Двое объявили, что намѣрены опредѣлиться въ полкъ, слѣдовательно, университетъ не нуженъ, только развѣ потерять

время, потому что, хотя студентъ и скорѣе производится въ офицеры, зато четыре лучшихъ года *пропадутъ даромъ*. Три гимназиста собирались поступить въ гражданскую службу, и только одинъ думалъ ѣхать въ университетъ, потому что можно добиться *десятаго класса*. Разумѣется, шесть чело-вѣкъ не могутъ служить представителями кишиневской гим-назии, можетъ быть, остальные ученики другихъ понятій, но мнѣ было странно изъ шести молодыхъ людей не встрѣ-тить ни одного, который обнаружилъ бы любовь къ наукѣ. Всѣ эти гимназисты относительно крестьянъ раздѣляли убѣжденія почтенныхъ своихъ родителей. Между тѣмъ въ другихъ губерніяхъ, посѣщенныхъ мною въ то же время, я видѣлъ довольно гимназистовъ, стремящихся въ универ-ситеты, видѣлъ даже бѣдняковъ, которые, съ четвертаго и пятаго классовъ занимаясь репетиторствомъ, сколачиваютъ копѣйку, чтобы добраться до университетскаго города. Не скажу — всѣ, но многіе не только не мечтаютъ о служебныхъ преимуществахъ, а интересуются знать, гдѣ лучше профес-соры. Такому молодому чело-вѣку главное не аттестатъ, но потребность развитія. Есть губернскіе города, въ которыхъ нельзя достать иностранныхъ книгъ, да и русскія приобрѣ-таются съ трудомъ, и гимназисты выписываютъ себѣ разныя руководства. Нерѣдко сынъ какого нибудь мелкопомѣстнаго бѣдняка, живущій съ репетицій, приобрѣтаетъ себѣ нѣмецкія книги и полные словари и прилежно изучаетъ нѣмецкій языкъ, какъ легчайшій для того, чтобы въ университетѣ имѣть возможность слѣдить за литературой своего предмета. И взгляните, сколько теперь молодыхъ людей поступаетъ на естественный факультетъ, совершенно непригодный ни для военной, ни для гражданской службы: это готовятся новые дѣятели на поприщѣ зарождающейся промышленности, въ ко-торыхъ у насъ такой вопіющій недостатокъ. Вездѣ гимна-зисты теперь стоятъ на высшей степени развитія, чѣмъ де-сять—восемь лѣтъ назадъ. Меня удивилъ недавно одинъ мо-лодой чело-вѣкъ лѣтъ 18. Онъ окончилъ курсъ, отдыхалъ и собирался въ университетъ.

— По какому же факультету? спросилъ я, зная совер-шенную его бѣдность: — вѣроятно по медицинскому?

— Я сначала хотѣлъ было въ медики, но раздумалъ. Пойду въ юристы; можетъ быть, Богъ поможетъ, отправятъ на казенный счетъ за границу.

— Вѣроятно не чувствуете себя способнымъ къ медицинѣ?

— Не то, а, видите ли, хотѣлось бы совершенно образовывать себя. Вѣдь медикъ — я не говорю о геніяхъ — какъ бы ни зналъ свой предметъ, во всѣхъ прочихъ остается гимназистомъ и, усвоивая медицинскія науки въ современномъ видѣ, отстаютъ во всемъ остальномъ окончательно.

Мнѣ хотѣлось узнать, вычиталъ ли гдѣ онъ это понятіе или оно само возникло въ его умной головѣ, но молодой человекъ тотчасъ же объяснилъ откуда почерпнулъ подобное убѣжденіе. Во всякомъ случаѣ, значитъ, гимназисты уже не попрежнему существуютъ зубреньемъ да шалостями, а группируются около даровитыхъ преподавателей и дѣлаютъ поступательное движеніе. Въ Бессарабіи у гимназистовъ (которыхъ я видѣлъ) я даже не встрѣтилъ охоты къ ученію, но всѣ они отлично знаютъ нормальный контрактъ и усвоили разныя привычки феодализма, уничтоженныя *de jure*, но существующія *de facto*.

Помѣщиковъ, живущихъ въ имѣніяхъ, больше въ сѣверной Бессарабіи, а ниже г. Сороки пойдутъ посесоры, за весьма рѣдкими исключеніями. А что за деревни въ Бессарабіи вообще и по берегамъ Днѣстра въ особенности! Я не знаю ничего живописнѣе и затруднилъ бы дать преимущество верховьямъ рѣки передъ низовьями. Каменные утесы разнообразныхъ формъ и деревья въ безчисленныхъ сочетаніяхъ непрерывно измѣняютъ ландшафтъ, и, нависнетъ ли надъ стремниной дикій лѣсъ или стелятся виноградники, вездѣ видите вы полную, оконченную, картину, имѣющую свой особый колоритъ, смотря по времени года. Помѣщики здѣсь живутъ не такъ весело, какъ въ прочихъ губерніяхъ, и этому причиною не денежные средства, въ которыхъ нѣтъ недостатка, а отсутствіе сосѣдскихъ сношеній и нѣкоторымъ образомъ страсть къ тяжбамъ, содержаніе которыхъ иногда превосходитъ всякое вѣроятіе. Самолюбіе, проявляющееся здѣсь преимущественно въ столкновеніяхъ съ крестьянами, играетъ особую роль въ сношеніяхъ въ равными, и самая дерзкая брань, на русскомъ и молдаванскомъ языкахъ, не виснетъ на вороту у инаго помѣщика. Карты, какъ и вездѣ, составляютъ единственное препровожденіе времени, и зеленый столъ дѣлается нейтральнымъ для закоренѣлыхъ враговъ, если нельзя иначе составить партію. Женское общество трудно назвать образованнымъ, въ особенности молдаванки прежняго поколѣнія не знаютъ даже русскаго языка и, если не имѣютъ что болтать между собою, занимаются перебираниемъ че-

токъ по восточному обычаю. О поссесоршахъ изъ гречанокъ и армянокъ я и не говорю, потому что эти госпожи не похожи на европейскихъ женщинъ и дико смотрятъ на прѣзжаго человѣка. Молодыя дѣвицы, которыя воспитывались въ Одессѣ, въ институтѣ и пансіонахъ, существующихъ также въ Кишиневѣ, Аккерманѣ, Хотинѣ и Бендерахъ, болѣе или менѣе вносятъ новый элементъ въ дома, въ которыхъ господствуетъ тупая неподвижность. Но почва еще не подготовлена, и случается, что хорошенькая дѣвушка, неполучившая особеннаго развитія въ учебномъ заведеніи, скоро и окончательно глхнетъ въ печальномъ захолустѣ, и только иногда неправильный лепетъ французскаго языка заявляетъ, что бѣдная барышня въ дѣтствѣ учила вокабулы. Чтеніе, особенно у мелкопомѣстныхъ, не употребительно. Вообще застой въ женскомъ образованіи здѣсь ощутительнѣе, нежели гдѣ бы то ни было, а скоро ли проснется край къ умственной жизни — рѣшить трудно. Въ уѣздныхъ пансіонахъ дается самое плохое образованіе; если бы не оскорбить многихъ самолюбій — образованіе это я назвалъ бы грамотностью высшаго разряда; но и то въ пансіонахъ число ученицъ весьма ограничено. Очень хорошо помню, какъ, зайдя однажды въ Аккерманѣ въ полицію, я засталъ одну госпожу, которая просила городничаго запретить другой госпожѣ открывать пансіонъ, на томъ основаніи, что два заведенія не могутъ существовать въ городѣ, въ которомъ — замѣтите — до 20,000 народонаселенія.

А все же справедливость требуетъ сказать, что Бессарабская область — золотое дно, изъ котораго можно бы извлекать огромныя выгоды, если бы духъ разумной промышленности оживилъ этотъ край, если бы добросовѣстная торговая дѣятельность заступила мѣсто спекулятивныхъ продѣлокъ у однихъ и непростительной безпечности у другихъ. Хлѣбопашество при благодарности почвы здѣсь можетъ процвѣтать постоянно; лѣсное хозяйство легко довести бы до блестящаго положенія; винодѣлію ничего не значитъ принять самый выгодный оборотъ и вытѣснить изъ Россіи низшіе сорта иностранныхъ винъ, обходящихся непомѣрно дорого; наконецъ разработка табачныхъ плантацій требуетъ лишь небольшихъ улучшеній, чтобы разомъ преобразовать нашу табачную торговлю, доставляющую намъ и теперь груды бессарабскаго табака подъ видомъ турецкаго. О каждой изъ этихъ отраслей народнаго хозяйства я скажу подробнѣе при описаніи мѣстностей, имъ благопріятствующихъ, а теперь считаю нужнымъ упомянуть,

что самый Днѣстръ убѣдительно просить точныхъ изслѣдова-
вій и правильнаго судоходства. Рѣка эта, какъ прямой и
единственный водный путь сообщенія съ Австріей, чрезвы-
чайно важная для торговли, находится не только въ неудов-
летворительномъ положеніи, но поражаетъ отсутствіемъ какой
либо о ней заботливости. Я увѣренъ, что во время пребыва-
нія въ краю генуэзцевъ, когда послѣдніе имѣли свои конторы
въ Хотинѣ, Сорокѣ, Бендерахъ и Аккерманѣ, судоходство
было въ болѣе цвѣтущемъ положеніи, которое исчезло съ за-
воеваніемъ турокъ и въ послѣдствіи снова низшло до первона-
чальнаго состоянія. Обыкновенное днѣстровское судно — такъ
называемая *галера*. Но вы не думайте, чтобы оно имѣло видъ
хоть даже неуклюжей россійской барки, этого безобразнаго
типа судовъ нашихъ языческихъ предковъ, — ничуть не бывало:
днѣстровская галера въ сравненіи съ баркой то же, что, напр.,
сардинскій купеческій бригъ въ сравненіи съ нашимъ чер-
номорскимъ каботажнымъ судномъ. Это неуклюжій плоско-
донный квадратный ящикъ съ бортами, четвертей въ пять
вышиною, сколоченный кое-какъ и управляемый потесями,
прикрѣпленными съ двухъ концовъ. Вся здѣшняя коммерція,
ворочающая милліонами, совершается на этихъ ящикахъ,
пускаемыхъ на авось и не всегда достигающихъ цѣли своего
назначенія. Только недавно начали строить одномачтовые
суда, называемыя плашкотами, которыя разомъ показали — ка-
кихъ выгодъ можно бы ожидать отъ болѣе правильнаго судо-
ходства. Но этихъ плашкотовъ, если не ошибаюсь, врядъ ли
болѣе десятка на всемъ протяженіи рѣки. Но главная при-
чина неудобства заключается въ самой рѣкѣ, на которую не
обращали ни малѣйшаго вниманія. Днѣстръ необыкновенно
извилистъ, извилистѣе всѣхъ рѣкъ, какія мнѣ удавалось ви-
дѣть, и такъ какъ онъ необыкновенно быстръ, несетъ про-
пасть ила и песка, то и образуетъ мели, дѣлающія судоход-
ство опаснымъ, а подѣ-часъ и невозможнымъ. Мели эти, впро-
чемъ, извѣстны, и, мнѣ кажется, при нынѣшнемъ состояніи
науки помочь горю не трудно, тѣмъ болѣе, что богатая тор-
говля легко можетъ вознаградить необходимыя издержки. Са-
мыя извилины легко могли бы быть устранимы прорытіемъ
каналовъ, которые не потребуютъ болѣе нѣсколькихъ верстъ
протяженія, да и не представляютъ трудности въ работѣ,
потому что во многихъ мѣстахъ грунтъ не каменистый. Под-
земные каменные пласты находятся только между городами
Сорокой и Ямполемъ, гдѣ черезъ рѣку лежитъ порожекъ. Из-

вилины Днѣстра такъ значительны, что на иной мѣстности водный путь со своими крутыми поворотами составляетъ версть сорокъ, а по прямому направленію не будетъ и пяти. Замѣтнѣе всего это между Бендерами и Тирасполемъ, городами, стоящими на двухъ противоположныхъ берегахъ Днѣстра, почти другъ противъ друга. Почтовой дорогой здѣсь 12 версть, но Днѣстромъ около *семидесяти*. Глубина рѣки, особенно въ верховьяхъ, въ межень весьма недостаточна, но все-таки, еслибы устранить мели, по ней могли бы идти плоскодонныя суда и плоты, тѣмъ болѣе, что пониже Дубоссаръ рѣка имѣетъ достаточно глубокой фарватеръ, который къ Бендерамъ достигаетъ нѣсколькихъ сажень. Въ настоящее время препятствіемъ служить еще и порожекъ, именуемый въ учебникахъ и даже у жителей »порогами«, уничтожить который легко при помощи нѣсколькихъ пудовъ пороху.

Давно уже я слышу, что отъ Общества пароходства и торговли ѣздилъ морской офицеръ для изслѣдованія Днѣстра, однако еще и прошлой осенью не было ни одного компанейскаго судна не только по этой рѣкѣ, но и въ лиманѣ, который, во всякомъ случаѣ, судоходенъ для мелко сидящихъ баржъ и пароходовъ. Были даже опыты пускать по Днѣстру галеры такихъ же размѣровъ и осадки, какъ и обыкновенныя, но которыя поднимаютъ грузу въ полтора раза больше. Дѣлаются борты изъ гуттаперчи, и потому галера способна выдержать большую тяжесть. Кромѣ этого подобное судно по прибытіи въ Маяки можетъ разбираться: днище пойдетъ на дрова, а борты, уложивъ на телѣги, легко увезти назадъ и построить новую галеру. Не знаю, распространяются ли эти суда въ настоящее время.

Чтобы вѣрнѣе судить объ удобствахъ и правильности плаванія по Днѣстру, я скажу только одно, что дрова, покупаемая евреями по 2 р. сажень (иногда и дешевле) въ Буковинѣ, достигнувъ до Маякъ (у лимана), продаются по 17 и 18 рубл. Здѣсь кстати можно замѣтить, что эти же самыя дрова, бывъ перевезены сухимъ путемъ въ Одессу на разстояніи 35 версть, стоятъ уже 30 р. и болѣе. Не правда ли, удивительно? А вѣдь Маяки верстахъ въ 20 отъ лимана, который отъ Одессы не далѣе днѣпровскаго, а изъ послѣдняго буксируютъ же лѣсъ въ Одессу. И на этотъ-то путь не было обращено вниманія ни вѣдомствомъ, до котораго это ближе всѣхъ касается, ни компаніей, ворушающей громадными средствами. Правда, нѣкоторыя частныя лица хотѣли устроить желѣзную дорогу,

даже писали проекты, но желѣзная дорога, пожалуй, и не такъ удобна тамъ, гдѣ есть водный путь, замерзающій, можетъ быть, не болѣе какъ на мѣсяць. Согласенъ я, что лиманъ мелокъ, что гирла засорены, однако же судоходство по Днѣпру предположено во всю навигацію, а въ Днѣпрѣ есть въ июнѣ мѣста не глубже 3 фут.: значить на все есть средство — было бы желаніе, да знали бы компанейскія управленія нужды края и, хоть немного, его мѣстности. Въ Днѣстрѣ вѣдь мели образуются еще отъ одного обстоятельства, могущаго показаться невѣроятнымъ и которое врядъ ли случается гдѣ либо въ мірѣ, но не подлежитъ сомнѣнію. Иногда плоты изъ дубоваго лѣса вслѣдствіе долговременнаго плаванія по рѣкѣ, несущей много ила, тяжелѣютъ до того, что, не достигнувъ Маякѣ, идутъ ко дну, а надъ ними наносятся бугры, пожалуй, и на такихъ мѣстахъ, на которыхъ безъ этой причины мель никогда не могла бы образоваться. Австрійскіе плоты идутъ успѣшнѣе, потому что гонять преимущественно легкій еловый лѣсъ, незавиднаго, впрочемъ, качества. Судоходство здѣсь одно только сплавное; вверхъ идутъ развѣ одни плашкоты и изрѣдка галеры на близкомъ разстояніи. Впрочемъ, Днѣстръ и для бечевника во многихъ мѣстахъ совершенно неудобенъ по причинѣ отвѣсныхъ каменныхъ береговъ. А между тѣмъ Бессарабія врядъ ли можетъ имѣть другіе пути сообщенія — я говорю о желѣзной дорогѣ — по случаю безпрерывныхъ глубокихъ овраговъ, пересѣкающихъ ее въ разныхъ направленіяхъ. Если правительство не употребитъ своихъ средствъ, если Общество пароходства и торговли, занимаясь болѣе прибыльными сообщеніями, не обратитъ должнаго вниманія на Днѣстръ, какъ не обращало доселѣ, то бессарабскимъ и подольскимъ капиталистамъ не мѣшало бы составить компанію на акціяхъ для расчистки этой важной рѣки, раздѣляющей два такихъ благодатныхъ края, какъ Подолія и Бессарабія. Конечно, сухопутная доставка замѣняетъ младенческое судоходство, но, кому извѣстна тамошняя почва въ грязную пору, тотъ согласится, что если взять въ массѣ силу рабочаго скота, потраченную напрасно и во вредъ животнымъ во время гибельнаго подъ-часъ бездорожья, то проценты потери не всегда вознаграждаются барышами отъ продажи пшеницы и кукурузы. Доставка же до Днѣстра какъ изъ Бессарабіи, хоть и отъ границы, такъ и изъ глубины Подольской губерніи, не представитъ большаго разстоянія. Объ этомъ, сколько мнѣ извѣстно, не разсуждали на выборахъ дворяне ни бесса-

рабскіе, ни подольскіе, а я полагаю, что улучшение Днѣстра было бы полезнѣе какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ, чѣмъ проведеніе телеграфа, о которомъ они хлопотали. Я этимъ ничуть не бросаю упрека за похвальную заботливость о телеграфѣ, которому суждено помогать нашему пробужденію, но самъ же онъ доказываетъ, что если его извѣстія перелетаютъ съ быстротою молніи, то неловко уже торговлѣ двигаться ползкомъ черепахи, а иногда поступью неуклюжаго рака, который, какъ извѣстно, не всегда ходитъ впередъ. Заговоривъ о Днѣстрѣ, нельзя уже въ этомъ очеркѣ не сказать о страшномъ неудобствѣ переправъ на всѣхъ дорогахъ вообще, не исключая и почтовыхъ. Вездѣ у насъ по имперіи переправа черезъ рѣки на почтовыхъ сообщеніяхъ бесплатная, а если откупщики и позволяютъ себѣ обирать народъ, то это дѣлается изъ потворства мѣстныхъ властей откупщикамъ всякаго рода изъ общей слабости первыхъ къ послѣднимъ. Въ Бессарабіи всѣ переправы, какія только учреждены на владѣльческихъ земляхъ, принадлежатъ помѣщикамъ. По особому положенію право содержать паромы принадлежитъ владѣльцамъ бессарабскаго берега и на такихъ даже сообщеніяхъ, какъ большой трактъ изъ Каменца въ Кишиневъ или изъ Могилева въ Новоселицу, и проѣзжіи не избѣжатъ феодальной пошрины. Исключеніе дѣлается лишь для проѣзжающихъ на почтовыхъ, но съ условіемъ, чтобы у нихъ была подорожная *по казенной надобности*. Въ иныхъ мѣстахъ еврей снимаютъ переправы у помѣщиковъ и устанавливаютъ произвольную цѣну. Не успѣли вы вѣхаться на паромъ на почтовыхъ, какъ уже еврей является требовать платы. Но что поразительнѣе всего — это черезчуръ уже феодальное право взимать пошрину даже съ тѣхъ, кто переѣдетъ изъ Подольской губерніи на яликѣ. Я долго не вѣрилъ существованію подобнаго обычая, но, проживая въ Могилевѣ и въ Атакахъ, стоящихъ *vis-à-vis*, самъ платилъ по копѣйкѣ серебромъ, ступивъ на бессарабскій берегъ. Отставной солдатъ сидитъ у берега и зорко слѣдитъ за пристающими лодками.

— За что же плата? спросилъ я однажды.

— За то, что вы ступили на помѣщичью землю.

— Но вѣдь берега судоходныхъ рѣкъ на десять сажень общественные, притомъ же здѣсь почтовая дорога.

— Я ничего не знаю. Пожалуйте деньги.

Положимъ, мнѣ еще не составила счета копѣйка серебромъ, заплаченная разъ двадцать за все время; но крестья-

нину, имѣющему дѣла на могилевскомъ базарѣ, эта пошлина довольно невыгодна, тѣмъ болѣе, что надо же еще заплатить и лодочнику за провозъ туда и обратно. Подобныя права, по крайней мѣрѣ на почтовыхъ дорогахъ, мнѣ кажется, слѣдовало бы уничтожить, во первыхъ, какъ явленіе ненормальное, во вторыхъ, какъ условіе несправедливо стѣснительное, въ третьихъ, какъ обстоятельство, дающее поводъ къ выходкамъ грубаго произвола. Какъ-то лѣтомъ возлѣ Могилева рѣка была очень мелководна. Одинъ молдаванъ, не желая платить за переправу, поѣхалъ прямо въ бродъ и благополучно достигъ противоположнаго берега. Съ него потребовали деньги. Тотъ не хотѣлъ давать. Пущена была въ дѣло палка. Молдаванъ воспротивился, и его повели въ расправу. Бѣднякъ, конечно, заплатилъ, можетъ быть, и больше, чѣмъ слѣдовало, но — главное — не былъ убѣжденъ, за что съ него взяли деньги.

— Еслибы я ѣхалъ на паромѣ, говорилъ онъ каждому: — еслибъ ѣхалъ, наконецъ, на лодкѣ, пусть бы брали съ меня плату, но я переправился въ бродъ!

Помню также, какъ одна женщина ходила въ Могилевъ за покупками и издержала всѣ деньги. Лодочникъ перевезъ ее въ кредитъ, какъ лицо, часто появляющееся на пристани, но надсмотрщикъ феодальныхъ сборовъ былъ глухъ къ просьбамъ и требовалъ заклада. Бѣдная женщина предложила новенькую миску, но сборщикъ, узнавъ, что она несла въ узелкѣ соль, предпочелъ взять послѣднюю на томъ основаніи, что безъ миски можно обойтись, а безъ соли нельзя — слѣдовательно этотъ закладъ вѣрнѣе. Женщинѣ идти домой было версты три. Я случился въ это время на берегу и охотно выручилъ изъ бѣды крестьянку, которая не знала, какъ благодарить меня за копѣйку, и освѣдомлялась, гдѣ я жилъ, чтобы возвратить долгъ. За копѣйку пожилая женщина должна была идти три версты домой, столько же оттуда, и снова пройти такое же разстояніе, тогда какъ она акуратно всегда платила феодальную дань усатому надсмотрщику. Но случались сцены болѣе возмутительныя.

На переправѣ между Хотиномъ и Жванцемъ откупщикъ-еврей поступаетъ просто деспотически: чуть прибыла вода, чуть поднялся вѣтеръ, онъ удваиваетъ таксу и не входитъ ни въ какія объясненія.

— Не хотите платить, говоритъ онъ: — сидите на берегу, а я перевозить не стану.

— Да вѣдь это же большая дорога! говорите вы.

— Мнѣ нѣтъ дѣла, чи большая, чи маленькая; я плачу большіе гроши, такъ и мнѣ надо заработать.

— Да вѣдь тебя отдадутъ подь судъ, стращаетъ его иной проѣзжіи.

— Хоть подь два, отвѣчаетъ онъ: — а не заплатите, будете сидѣть тутъ. Ну?

Переѣзжая въ этомъ мѣстѣ Днѣстръ раза два на почтовыхъ, я не имѣлъ особенныхъ разговоровъ съ откупщикомъ, но однажды ѣздилъ изъ Хотина въ Жванецъ на наемной лошаdkѣ, и не обошлось безъ приключенія. Еще въ Жванцѣ взяли съ меня гривенникъ, но при возвращеніи я простоялъ довольно долго. Къ берегу подьѣхалъ я въ сумерки. Моросилъ осенній дождикъ. Вышли паромщики, и явился прикащикъ.

— Поздно уже, сказалъ онъ тономъ, въ которомъ явственно слышалась мысль, что, моль, теперь за гривенникъ не переѣдешь.

— Да, поздно, сказала я.

— Вамъ въ Хотинъ?

— Въ Хотинъ.

— Четыре злота (60 коп.)

— Какъ? спросилъ я, озадаченный подобною безсовѣстностью.

— Четыре злота. Ну?

— По какому праву?

— А по такому, что вечеръ, буря...

— Опасности нѣтъ никакой, а ты обязанъ переправлять проѣзжихъ во всякое время дня и ночи, потому что это большая дорога.

— Большая дорога! Ну, какъ большая, такъ и ждите, пока еще подьѣдетъ народъ, а васъ однихъ не переправлю, ну?

— А какъ переправишь?

— Да вы кто?

— А тебѣ для чего?

— Много васъ тутъ ѣздить, да какъ всякаго слушать, такъ голова кругомъ пойдетъ. Дадите полтинникъ — переѣдете, не дадите — ночуйте хоть на берегу. Я и людей отправлю.

Такая наглость показалась мнѣ ужъ черезчуръ возмутительной. Имѣя постояннымъ правиломъ носить при себѣ нужныя бумаги, я вынулъ изъ сумки открытый листъ ново-россійскаго и бессарабскаго генераль-губернатора.

— Ты грамотный?

— Грамотный, ну?

- Прочти эту бумагу.
- Пачпортъ, что ли?
- Паспортъ.
- Не видно читать.
- Ступай въ свою хату, прочти при свѣчѣ, только не выпачкай.

Еврей взялъ бумагу и развернулъ. Прочестъ еще было можно. Изъ наглеца прикащикъ вдругъ сдѣлался почтителенъ, снялъ шапку и самъ помогаль стащить на паромъ мою повозку. Извиненіямъ не было конца.

— Помилуйте, говорилъ онъ: — мы съ такихъ людей никогда не беремъ; я думалъ, извините, что вы, такъ себѣ, купцы или экономы.

— Но какъ же ты можешь требовать шестьдесятъ копѣекъ за переправу, когда утромъ съ меня взялъ гривенникъ?

— Я возвращу.

— Не надо, я плачу, что слѣдуетъ, но предваряю, что доведу объ этомъ до свѣдѣнія начальства.

— Ваше высокоблагородіе, или какъ васъ величать, я безъ намѣренія...

Дѣйствительно я говорилъ объ этомъ въ Хотинѣ; послѣдовало ли какое распоряженіе — не знаю.

Въ этомъ бѣгломъ очеркѣ Бессарабіи я набросалъ общія черты народнаго быта, который постараюсь показать рельефнѣе при описаніи отдѣльных мѣстностей.